

Александра Ушакова

*Стеши и Боня: История
одной печати*

Александра Ушакова

Стеша и Боня:

История одной печати

<https://litres.ru/73927261>

SelfPub; 2026

Аннотация

Степанида Крамец — пышная блондинка с детским лицом и характером фурии. В ночном клубе она спасает чёрного кота, который оказывается Бонифацием — древним духом по прозвищу «кот-бедствий». Вместе они прыгают в фонтан и попадают в Изнанку: мир духов, ведьм и драконов. За ними охотится род Симар, желающий украсть силу кота. Но главная опасность — одиночество.

Две потерянные души находят друг друга в маленьком доме среди леса. Стеша возвращается домой, думая, что всё было сном. Через четыре дня она открывает дверь квартиры — и на пороге сидит чёрный кот с янтарными глазами. История о дружбе, преданности и том, что настоящая магия — в простом человеческом тепле.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	51
Глава	224
Конец ознакомительного фрагмента.	225

Александра Ушакова

Стеша и Боня:

История одной печати

Глава 1

Рассвет в парке

Она сидела на старой деревянной лавочке в парке, который был настолько непримечательным, что даже утренние птицы, казалось, пролетали его стороной. Вокруг царила та особенная предрассветная тишина, когда мир замирает в ожидании первого луча. Час показывал пять утра, но сон — тягучий, вязкий, который ещё час назад клонил её в объятия — вдруг испарился, словно его и не бывало.

На руках у девушки сидел кот. Чёрный, как сама бездна, как свежеразлитый гудрон, в котором тонут звёзды. Но он не мурлыкал. Он молча смотрел ей прямо в глаза — так смотрят только старые мудрецы или те, кто видел слишком много. И объяснял. Его голос звучал где-то глубоко в её сознании, обволакивая, словно бархат.

— Прыгай в фонтан, когда солнце встанет над вершиной той сосны, — кот указал лапой на пушистое, почти сказочное дерево, покрытое серебристым инеем утренней росы. —

И смотри, не пропусти момент. Ошибка будет стоить всего.
— Да, — едва слышно прошептала Стеша.

Она чувствовала себя странно. Словно её разум раскололся надвое: одна половина ещё танцевала под оглушающую музыку клуба, а другая уже провалилась в зыбкий, но пугающе реальный сон. Её можно было понять. Ночью — коктейли, стробоскопы, подруги. А сейчас — рассвет, разрушенный антураж старого парка (колоннада с облезшей штукатуркой, покосившиеся скамейки, запах прелых листьев) и говорящий кот, который смотрит так, будто знает о ней всё.

Воздух был влажным и холодным. Где-то далеко, за кронами деревьев, розовела заря — первые мазки акварелью на тёмно-синем небе.

Ночной инцидент

История началась банально и безумно одновременно. «Яркие звёзды» — клуб на окраине, где собирались те, кто хотел забыть о серости будней. Стеша с подругами — визгливыми, лёгкими, как мотыльки — танцевали на подиуме. Басы били в грудь, воздух был густым от духов и пота, дымовая пушка выплёвывала туман, в котором тонули лица.

И в этом хаосе Стеша заметила его. Странного человека у стойки. Он сжимал кота за шиворот — маленькое чёрное тельце отчаянно дёргалось, но мужчина даже не моргнул. Его пальцы были длинными, неестественно бледными, с жёлтыми ногтями. В его глазах отражался не свет клуба, а что-то болотное, гнилостное.

Стеша не думала. Она вообще редко думала, когда дело касалось несправедливости. Животных она любила исступленно, той любовью, которая не терпит пощады к обидчикам. Её рука сама потянулась к первому предмету на столике. Им оказалась пустая бутылка из-под коньяка. Тяжёлая, с толстым дном.

Её полёт был грациозен. Она вращалась в воздухе, ловя блики лазеров, и угодила мужику прямо в темечко.

«Бам!»

Мужчина даже не пошатнулся. Он медленно — невероятно медленно — повернул голову. Его глаза шарили по залу, пока не наткнулись на неё. На милое создание в вечернем платье. Но глаза у этого создания были как у бешеной фурии.

Степанида

Стеша — или, если официально, Степанида — не была девушкой модной красоты. Сейчас в тренде были девушки-тростинки с острыми коленями. Она же была красоты рубенсовской — пышная, с мягкими, приятными формами, блондинка с каре, ясными голубыми глазами и милыми, почти детскими чертами лица. Но характер этому лицу совершенно не соответствовал.

Стеша умела настаивать на своём. И если надо было приложить не только слово, но и кулак — она делала это с искренним удовольствием. Её кулак не вязался с её внешностью, как не вяжутся розы и битое стекло. Но это была она.

Итак, первая бутылка угодила в цель. Но мужчина даже

не закричал. Он оскалился — и Стеша увидела, что зубов у него во рту не человеческих. А чешуя на шее блеснула маслянисто.

Она уже схватила вторую бутылку и, не медля, запустила её. Но на этот раз случилось нечто странное.

Глаза мужчины зажглись зелёным — неестественным, фосфоресцирующим светом. Бутылка замерла в сантиметре от его носа, зависла, дрожа, словно её держала невидимая рука. Щелчок пальцев — и она рухнула на пол, разбившись вдребезги.

Но Стешу это не остановило. В её руке уже был новый снаряд — тяжёлая пепельница.

— Ах ты, гад! — крикнула она.

Парень рядом — здоровенный бугай, который ничего не понимал в алкогольном угаре — увидел мужика с осколками бутылки, кровь на виске и решил, что здесь его помощь нужна. Он замахнулся. Началась драка.

Кот смекнул мгновенно. Он вцепился в руку мужика, повис на ней когтями, издавая такое шипение, будто в него вселился демон.

Мужик вырвался. Оставил клочок своей шерсти — чёрные клочья повисли в воздухе, как пепел. Вырвался и отшатнулся.

Стеша, не думая, поймала кота в полёте. Сбросила каблук (дорогие, кстати, лодочки от хорошего бренда), прижала его к груди и выбежала на улицу.

Бегство

Ночной июньский воздух ударил в лицо — свежий, сладкий, пахнувший липой и асфальтом, ещё хранящим дневное тепло. Она встала посреди пустынной улицы, прижимая кота, и вдохнула его полной грудью. Сердце колотилось где-то в горле.

— Чего стоишь? Бежим! — сказал кто-то рядом.

Стеша вздрогнула. Голос был резкий, командный.

— Что? Кто? — Она ещё крепче зажала кота, оглядываясь.

— Ммм... воздух... пусти, дура! — Кот упёрся лапами ей в грудь. — Воздуха дай!

— А-а-а-а! — Стеша разжала руки, и кот спружинил на землю. — Ты говоришь?!

— Да, да! — Кот нервно покосился на дверь клуба, из которой уже доносились крики и звон. — Всё потом. Бежим. Быстро.

Стеша смотрела на него, словно на сон. На странный, долгий, галлюциногенный сон. Но ноги уже сами побежали.

Она бежала за этим чёрным пятном, ловко петляющим между фонарными столбами. Волосы на затылке встали дыбом — сзади, совсем рядом, чувствовалось что-то огромное и холодное. Внутри всё переворачивалось на манер самого страшного аттракциона.

Они бежали вдоль переулков, мимо спящих пятиэтажек, через арку с граффити. И тут — хруст.

— Ай! Бля, бля, бля! — Стеша схватила за ногу и остановилась, зашипев от боли. — Сука...

— Ну что там? — Кот сел рядом, пригнувшись к её крови.

— Стекло... Я ж туфли бросила, когда с тобой выбегала! — Она подняла ногу и в лунном свете увидела торчащий из пятки осколок пивной бутылки. Кровь текла тёплая и липкая.

— Щас исправим, — сказал кот спокойно, будто речь шла о пустяке. — Не дёргайся.

Он потянулся к своему уху, захватил ус... и сломал его пополам. Не оторвал — именно сломал, как сухую веточку. Раздался едва слышный хруст.

Золотые искры — живые, пульсирующие — посыпались на её рану. Стеша замерла. Кожа затянулась прямо на глазах, осколок растаял, испарился, оставив лишь прохладу. Кот взял второй ус. Снова хруст — и золотые искры упали на её ноги. В следующую секунду на ней уже были алые шаровары с вышивкой и мягкие тапки с загнутыми носами, как у восточных башмачников.

— Одевай и пошли, — скомандовал кот тоном генерала на плацу. — Он за нами идёт.

— Кто он? — спросила Стеша, натягивая странные, но неожиданно удобные штаны.

— Он — Змей. — Кот не сводил глаз с темноты переулка. — А я командую, потому что ты влезла туда, куда не следо-

вало. И теперь можешь погибнуть.

Он выгнул спину дугой. Зашипел — протяжно, по-змеиному страшно.

— Он здесь.

Стеша ничего не видела. Только тьму. Но её пальцы на ногах сами сжались — тапки оказались невероятно удобными, словно носили их всю жизнь.

Из темноты вышел мужчина.

— Бонифаций, о мой Бонифаций... — В его голосе слышалась фальшивая ласка. — Ну куда же ты ушёл? Я ещё не закончил.

— Ах ты, змей гнилостный! — Кот внезапно замер, вытянулся... и начал расти.

Это было невероятно. Стеша отшатнулась. Чёрная шерсть переливалась на лунном свете, мышцы вздувались, лапы становились всё мощнее. Через секунду на её глазах сидел уже не кот, а чёрная пантера с янтарными глазами. Большая, грациозная, смертоносная.

Пантера схватила Стешу за шиворот — аккуратно, но твёрдо — и подросла еще на треть. Лавочка, стоявшая рядом, хрустнула и рассыпалась под весом.

— Держись! — рявкнула пантера.

И они побежали вверх по стене дома. Вертикально. Стеша открыла рот, но не закричала. Её глаза распахнулись до предела, она смотрела вверх — на летнее звездное небо, на Млечный Путь, рассыпанный бриллиантовой крошкой.

В воздухе что-то хлопнуло. Перед ними распахнулся портал — зеркальная воронка, переливающаяся серебром.

Бонифаций прыгнул.

Изнанка

Стеша упала на мягкую, тёплую землю. Нет — её выплюнули. Буквально.

— Тьфу, приехали, — сказала пантера, отряхивая пасть.
— Ты в Изнанке.

Стеша поднялась. И замерла.

Она стояла на холме. Внизу, до самого горизонта, раскинулся город. Но не обычный. Это было место после великого и прекрасного апокалипсиса — без войны, без пожара, без крови. Время просто устало и ушло.

Высотные здания были оплетены плющом и диким виноградом. Из окон, выбитых или рассыпавшихся, свешивались ветви цветущей сакуры. Мосты висели в воздухе, опираясь на корни деревьев, проросших сквозь бетон. А внутри — в домах горел свет. Тёплый, золотистый. И там ходили тени. Не люди — силуэты. Похожие, но не совсем. Они плавно перемещались по комнатам, не касаясь пола.

Луна здесь была другой — огромной, сиреневой, с трещинами, из которых сочился туман. Но не холодный, а ласковый, пахнувший озоном и мятой.

— Где я? — прошептала Стеша, всё ещё не веря своим глазам.

— Я же сказал: на обратной стороне твоего мира, — Бо-

нифаций потёр переносицу двумя пальцами — совсем как уставший человек. — Здесь живут духи, боги, ведьмы и всякая нечесть. Тихий уголок для изгнанников и тех, кто забыл дорогу домой.

— Ааа... Что?.. — Стеша медленно вращалась вокруг своей оси, пытаясь объять взглядом этот невозможный пейзаж. — Я... как?

— Верну тебя домой чуть позже. Сначала разберусь со Змеем. Пошли.

Пантера двинулась в сторону леса, темнеющего на краю города.

— Угу, — только и смогла выдохнуть Стеша.

Лес тишины

Лес встретил её запахом озона — как после самой сильной грозы — и сырой, жирной земли. Мягкий ковер мха пружинил под ногами, даря удовольствие каждому шагу. Стеша никогда не чувствовала ничего подобного. Ноги словно сами благодарили за эту прохладу и упругость.

Деревья стояли великанами. Их кроны смыкались высоко-высоко, создавая купол, через который лишь изредка пробивались лучи той странной сиреневой луны. Воздух здесь был густой, влажный, почти осязаемый. Он обволакивал тело, как тёплая вода.

— Не отставай, — Бонифаций ткнул её мордой в плечо. — Лес тебя съест, если хоть на минуту потеряешь бдительность. Он махнул головой в сторону корней дуба. Стеша взгля-

нула — и похолодела. Среди переплетений корней белели кости. Мелкие, крупные, совсем странные — с черепами, не похожими ни на человеческие, ни на звериные. Но один череп был точно человеческим. Она отвела взгляд.

— Слушай, а зачем ты Змею? — спросила тихо, перешагивая через узловатый корень. — Почему он за тобой так носится?

— Ему нужна не я. Моя сила, — Бонифаций вздохнул — тяжело, по-человечьи. — Сам он силен. Но воровать чужое любит больше. А я теперь ничей. Хозяина у меня нет. Вот он и лезет.

— Почему нет хозяина? — спросила Стеша и сразу увидела, как пантера поникла. Уши опустились, хвост повис. — Прости, если не уместно...

— Нет, ничего. — Бонифаций сел на мох, сложив лапы. Его янтарные глаза смотрели куда-то в сторону, в глубину леса. — Умерла она.

Тишина повисла густая, как смола. Стеша опустилась рядом, не зная, что сказать.

— Прости, — повторила она и добавила уже мягче: — Меня Стеша зовут. Ну, Степанида, если по паспорту. Но для друзей — Стеша.

— Я Бонифаций, — пантера усмехнулась уголком рта, и в её глазах мелькнуло что-то тёплое. — Можешь звать Боня.

Дом одиноких душ

Они шли дальше. Лес медленно расступался, пропуская

их к небольшой поляне. Природа здесь была настолько прекрасной — каждый лист светился изнутри мягким зелёным светом, каждый камень дышал — что Стеше захотелось плакать. Не от боли, а от неожиданного покоя, который разливался в груди.

На поляне стоял дом. Маленький, аккуратный, с резными наличниками и заросшей травой крышей. Дым из трубы не шёл, но в окошке горела свеча.

Бонифаций на подходе начал уменьшаться. Пантера ждалась, скукожилась, и вот уже перед Стешей стоит обычный чёрный кот, который лениво потягивается на крыльце.

— Отдохнём немного, — сказал он и толкнул дверь лапой.
— Заходи.

Стеша улыбнулась. Только сейчас она поняла, как устала. Ноги гудели, глаза слипались.

Внутри дом оказался старым, но ухоженным. Из потолка торчали дубовые балки, пахло пылью, сушёными травами и — одиночеством. Оно висело в воздухе, как невидимая паутина. Два кресла с вязаными пледами (цветы, васильки, ромашки), круглый столик, комод с резными ящиками, небольшой платяной шкаф. Дальше — спальня с железной кроватью и кухня, где посередине стоял огромный котёл на цепях.

Стеша смотрела, как кот запрыгнул в лежанку, свернулся клубком. И её сердце сжалось. Ей стало так же одиноко, как и этому дому. Как коту. Как всему лесу за окном.

— Боня, — сказала она тихо. — Можно с тобой посплю?

Она сняла с кресла плед (пахло чем-то сладким, лавандой) и аккуратно легла рядом с лежанкой, свернувшись калачиком.

— Я не буду мешать, — добавила она шёпотом.

Кот не ответил. Только спустя минуту рядом с её щекой зазвучало мурлыканье. Тихое, вибрирующее, уютное. Словно маленький тёплый мотор.

Стеша закрыла глаза. И вдруг с ясностью поняла: он одинок. Точно так же, как она сама. Они оба — потерянные души, которым просто нужен кто-то, кто скажет доброе слово. Или хотя бы не прогонит.

Где-то далеко, в глубине враждебного леса, по влажной земле полз Змей. Он нюхал воздух, но подойти к домику у дуба не мог. Не сегодня.

А внутри — на старом пледе, пахнущем лавандой и пылью — спали две одинокие души. Случайно нашедшие друг друга на изнанке мира.

За окном светила сиреневая луна. И впервые за много лет домик перестал быть просто пустым. Он стал домом.

Сон

Стеша спала сладким сном — тем особенным сном, когда время исчезает, а душа выходит гулять сама по себе. Ей снились золотые луга, уходящие за горизонт. Трава переливалась, как дорогая парча, а среди неё росли яркие белые цветы — такие чистые, словно их нарисовал гениальный художник. Вдалеке стояла беседка. Её купол был собран из цвет-

ного витража: синие, красные, жёлтые стёкла складывались в причудливый узор, похожий на рассветный сад.

В беседке — стол. Тяжёлая резная ножка держала столешницу из тёплого, отполированного до блеска дерева. В центре — букет полевых цветов в хрустальной вазе, две чашки, каждая из которых напоминала раскрывшийся бутон лилии, блюдо с рассыпчатым печеньем и заварочный чайник, от которого поднимался пар с нотками мяты и липы.

— Садись, милая, — раздался мягкий, чуть скрипучий голос.

Стеша обернулась. Напротив неё сидела женщина в длинном синем платье с белыми манжетами и кружевным воротником. На голове — шляпка в форме мухомора: красная с белыми крапинками, чуть кокетливо сдвинутая набок. Фартук был усыпан мелкими мухоморами — вышитыми, будто живыми.

— Садись, милая девочка. У нас будет маленькая беседа.

Стеша опустилась на стул. Чашка пододвинулась сама — плавно, словно по невидимой глади. Блюде с печеньем подкатилось и замерло рядом.

— Спасибо тебе за милого Боню, — старушка отпила чай, прикрыв глаза. — Он сильный и мудрый. Но очень добрый. А добрым в нашем мире тяжело. Ему нужна защита. Ему нужен друг. Ему нужна...

Стул под Стешей дрогнул. Пол под ней разошёлся чёрной воронкой. Она успела только вскрикнуть — и провалилась в

тёплую, бархатную тьму.

Старушка допила чай, поставила чашку на блюдце и улыбнулась.

— Какая милая и бойкая девушка. Хороший и верный друг. Защитница слабых. С добрым сердцем.

Пробуждение

Стеша проснулась резко — будто её выдернули из сна за руку. Глаза открылись сразу, без сонной поволоки. Рядом — пустая лежанка. Кто-то подложил ей под голову мягкую подушку и укрыл тёплым вязаным одеялом — того самого, с цветами, что висело на кресле.

С кухни доносился мужской голос. Он пел — негромко, чуть фальшиво, но с такой теплотой, что хотелось улыбнуться:

«Всё для тебя... и звёзды, и луна...»

Стеша вскочила и пошла на голос.

Бонифаций стоял на двух лапах у камина. В одной лапе — чайник, в другой — чашка. Третьей (вот откуда третья?) он жонглировал блюдцем. В воздухе пахло ванилью, топлёным маслом и счастьем.

На столе уже стояли тарелки с блинами — румяными стопками, посыпанными сахарной пудрой.

— О, проснулась! — Бонифаций — теперь уже на двух ногах, по-человечески несущий поднос с чашками — прошлёпал к столу. — Садись ешь. Голодная, поди.

Стеша послушно села.

Блины манили. Запах ванили и сладкого топлёного масла заполнил всё нутро, и руки сами потянулись к еде. Она уплетала за обе щёки, почти не жуя.

— Какая ты бойкая, — Бонифаций положил рядом с ней белую салфетку, вышитую мелкими красными мухоморами. — Вроде девушка, а поведение — как у рыцаря в таверне после турнира.

Стеша замерла, увидев мухоморы.

— Боня... — она подняла глаза на кота. — Мне снилась женщина. В шляпе-мухоморе. Она сказала: «Позаботься о милом Бонифации».

Бонифаций отложил блин. Сел прямо — спиной к стенке, как человек, который услышал что-то очень важное и очень тяжёлое. Дымка вокруг него начала мельтешить, сгущаться — и вот перед Стешей снова был кот.

Обычный чёрный кот.

Его уши опустились. Спинка мелко задрожала. Глаза были закрыты.

Стеша знала — знакомая ветеринар рассказывала, — что кошки плачут тихо. Так тихо, чтобы никто не увидел их боли. Она помогала в приюте, она видела это сотни раз.

— Не плачь, — она подошла и обняла его, прижав к груди. — Не плачь.

— Стеша... ты дура, — Боня прижался в ответ, мокрый нос уткнулся ей в шею. — Добрая и заботливая дура.

За окном стелилась ночь — густым ковром, под которым

спали травы и деревья. В небе горели звёзды, а над лесом висела фиолетовая, чуть треснутая луна.

Барьер хранил покой маленького дома.

За барьером

А за барьером, у корней старого дуба, по влажной земле ползал змей. На макушке у него красовалась приличная шишка — всё ещё заметная, хотя магия уже работала над её заживлением.

— Эта гадина там... — прошипел змей, косясь в сторону домика. — Сильная дамочка. Бойкая. Трудно будет.

— Главное, чтобы они не заключили договор, — прозвучал спокойный, скользкий голос.

Из тени дерева вышел мужчина. Чёрный фрак, белая рубашка, идеальный пробор. Он был красив — той хищной, почти змеиной красотой, от которой по спине бегут мурашки. Глаза горели холодным зелёным.

— Мы должны забрать его силу, — повторил он.

— Да, господин, — змей почтительно склонил голову, потирая шишку кончиком хвоста. — Тяжёлая рука у этой девушки. И бьёт метко.

— Я отдам её тебе на съедение, — мужчина улыбнулся и коснулся ладонью головы змея.

Зелёная дымка поползла по чешуе, затягивая рану, убирая боль. Змей довольно зашипел.

Мужчина шагнул вперёд. Змей обвился вокруг его ног, и они растворились в тумане — вместе, плавно, как круги на

воде.

Гряды древности

Зелёные просторы леса уходили вдаль, плавно набирая высоту, перетекая из царства мхов и папоротников в царство камня. Трава становилась жёстче, деревья — ниже и корявее, пока наконец земля не сделала последний рывок и не упёрлась в скальную гряду.

Она была древнее самого времени.

Серые, потрескавшиеся утёсы вздымались к небу, словно пальцы гигантской руки, застывшей в последней молитве. Вершины их покрывали вечные снежные шапки — нет, не белые, а серебристо-голубые, сродни инею на стекле в лютый мороз. В лучах фиолетовой луны эти снега светились холодным, первозданным серебром, и казалось, что сами звёзды спустились на землю, чтобы отдохнуть на этих пиках.

Ветер здесь выл по-другому. Не ласково, как внизу, где Бонифаций варил чай и жарил блины, а протяжно, с присвистом, облизывая скалы ледяными языками. Воздух был разреженным, чистым, пахло озоном, древней пылью и чем-то ещё — тем неуловимым запахом, который называется вечностью.

Там, на самом высоком уступе, свернувшись кольцами вокруг скального пика, спал он.

Хозяин Гряды. Хозяин Леса. Дух этого мира, его сердце и его меч.

Зелёный дракон природы.

Амиша

Его имя было **Амиша**.

Он не менял его уже несколько тысяч лет. Имена были важны — они хранили силу. Человеческий мир давно забыл его, называя то «Зелёным Змеем», то «Духом Бездны», то «Хранителем Корней». Но сам дракон знал себя только так — Амиша.

Он медленно повернул массивную голову.

Чешуя блестела — всеми оттенками зелёного, какие только существуют в мире: от нежной весенней травы, что пробивается сквозь мартовский снег, до глубинного, почти чёрного цвета вековой хвои, куда никогда не проникает солнце. И ещё такими, каких нет на свете. Каждая чешуйка переливалась, словно внутри горел тихий, вековой огонь. Или вода. Или что-то среднее — живой, дышащий свет.

Его зрачки сузились. Глаза сверкнули — два огромных янтарных озера глубиной в миры. В них отражалась сама вечность: зарождение лесов, гибель городов, слёзы детей и смех первых людей.

Раздвоенный язык выскользнул из пасти — длинный, чёрный, почти змеиный — и пробовал воздух на вкус.

Он ловил молекулы. Частицы. Воспоминания.

В воздухе пахло озоном — после недавней грозы где-то на востоке. Влажным мхом — из низины, где спали болотные огни. Чьим-то страхом — мелким, мышинным, совсем неинтересным.

И чем-то новым.

Абсолютно новым.

Амиша приподнял голову. Снег посыпался с его морды, заструился вниз, в пропасть.

— Чёрный кот-бедствий... — произнёс дракон. Голос его звучал глубоко, как подземный гул, но в нём слышалась странная мягкость, почти насмешка. — Принёс в этот мир новый запах.

Он сделал паузу, прислушиваясь к себе.

— Интересный запах.

Кошачьи повадки

Амиша лениво потянул лапу к морде.

Он делал это медленно, потому что мог себе это позволить. Неспешность была роскошью сильнейшего. Когти — каждый размером с человеческий меч — скрежетнули по чешуе, высекая крошечные зелёные искры. Дракон почесал нос. Жест почти кошачий, удивительно нежный для такого исполина.

— Интересный... — повторил он сквозь полудрёму.

Его тело — гибкое, несмотря на массивность, с прекрасными крыльями, сложенными вдоль спины — перевернулось на другой бок. Каждое крыло было размером с парус корабля, перепонки туго натянуты, как кожа тамбурина. Один неосторожный взмах — и в лесах могла начаться буря.

Скала под ним жалобно скрипнула, но выдержала. Она привыкла. Они спали вместе уже несколько тысячелетий.

Амиша не спал по-настоящему уже несколько столетий.

Он дремал.

Это было похоже на состояние между явью и сном, когда ты всё видишь, всё слышишь, но не желаешь вмешиваться. От скуки. От усталости. Ему не было дела до суеты маленьких существ — их войн, их договоров, их любви и ненависти. Он видел слишком много империй, родившихся и умерших за одно моргание его века. Люди... и нелюди... все они одинаковы: хотят власти, тепла, бессмертия. Скучно.

Но сейчас...

Что-то изменилось.

Это было едва уловимое движение в ткани мироздания. Как если бы в старую, вытертую мантию вплели свежую нить — другого цвета, другого качества.

Из глубокой расщелины, где пряталась его морда, вырвалась струя пара. Тёплого, пахнущего серой и древними травами. Пар закрутился в холодном воздухе, рисуя причудливые узоры.

— Интересный запах, — прошелестело сквозь смыкающиеся веки.

И лес вокруг замер.

В самом деле — замер.

Даже ветер, который только что выл и бился о скалы, стих. Даже корни деревьев внизу, вечно тянущиеся к влаге, замерли на полпути. Даже мох перестал расти. Всё живое, что было в лесу — от крошечного жучка до огромного болотного

духа — замерло в ожидании.

Все ждали, что скажет Хозяин.

А дракон уже снова проваливался в сон. Веки тяжелели, янтарные глаза тускнели, прячась под прозрачной плёнкой.

Но кончик его хвоста — зелёный, с кисточкой, как у огромного кота — мелко подрагивал.

Ему было **интересно**.

Впервые за долгое время.

Там, внизу

А в маленьком домике, укрытом барьером, Стеша доедала последний блин с медом и не знала, что на вершине скальной гряды, там, где снег не тает никогда, глаза древнего чудища смотрят в её сторону. Не зло. Не добро. С любопытством садовника, который заметил в своём лесу новый, незнакомый цветок.

Бонифаций мыл посуду и тихо мурлыкал под нос.

Он тоже не знал.

Но чуял.

Кончики его ушей горели.

— Стеша, — сказал он вдруг, оборачиваясь. — А ты не боишься?

— Чего? — спросила она, облизывая ложку.

— Всего, что случилось. Кота говорящего. Изнанки. Сна про старуху. Меня в образе пантеры. Всего вот этого.

Стеша задумалась. Отставила блюдо. Посмотрела в окно — там за стеклом серебрился туман, а где-то далеко, высо-

ко-высоко, на снежной вершине, переливалась зелёная точка.

— Боюсь, — призналась она. — Но не так, как раньше. Раньше я боялась, что понедельник снова настанет. А теперь... теперь каждый час — как подарок. Даже страшный.

Бонифаций усмехнулся в усы.

— Ты странная.

— Я знаю, — Стеша улыбнулась в ответ. — И ты тоже.

За окном взошла фиолетовая луна. А где-то на вершине дракон чихнул во сне, и в лесу начался мелкий тёплый дождь из папоротниковых семян.

Гнев главы рода

Мраморный пол кабинета был холодным, как лёд. Тяжёлые бордовые шторы не пропускали ни единого луча — ни настоящего солнца, ни призрачного света фиолетовой луны Изнанки. Здесь, в этом доме, время текло иначе. Здесь пахло старым пергаментом, воском и чем-то гнилостным — тем сладковатым запахом, который остаётся после работы некромантов.

— Слабый ублюдок!

Голос гремел под высокими сводами. Хрустальная люстра жалобно зазвенела.

Посреди кабинета стоял мужчина. Возраст его невозможно было определить — пятьдесят, шестьдесят, а может, и все сто. Седые волосы были аккуратно зачёсаны назад, но одна непослушная прядь упала на лоб, придавая ему вид безум-

ного пророка. Бордовый фрак сидел на нём безупречно — ни складки, ни пылинки. Только на манжетах темнели маленькие бурые пятна. Кровь. Чья — неизвестно.

Он сжимал в руке кубок — серебряный, с чернением, — и его пальцы побелели от ярости.

— Нам нужна его сила! — продолжил он, чеканя каждое слово. — Он нужен нам! А ты и твой жалкий змей упустили его. Упустили!

Кубок полетел в стену.

Звон расколол тишину, осколки брызнули во все стороны.

Защита

Молодой мужчина стоял напротив, чуть согнувшись, закрывая собой змею.

Тот самый — красивый, хищный, почти змеиный. Но сейчас его красота померкла. Из виска текла кровь — острый край кубка задел кожу, когда он дёрнулся в последний момент, чтобы прикрыть своего питомца. Алая струйка ползла по скуле, падала на белоснежный воротник рубашки, расплываясь розовым пятном.

— Они не заключили договор, — сказал он тихо, но твёрдо. — Печати нет. Я проверил. И кот, и девушка — чисты. Никакой связи.

Он прижал змею к себе — под рубашку, поближе к теплу. Холодный язык скользнул по его груди, успокаивая.

— Договора нет... — повторил он уже тише, словно уговаривая сам себя.

Глава рода подошёл ближе. Его ботинки — лакированные, с острыми носами — гулко стучали по мрамору. Остановившись в двух шагах, он наклонил голову и уставился на молодого человека. В его глазах не было ничего. Ни ярости. Ни гнева. Только холодная, расчётливая пустота.

— Моли драконов, — прошептал он, — чтобы они её не заключили.

И вышел из кабинета.

Дверь хлопнула так, что со стен сорвалась картина с изображением древнего герба. Упала на пол, стекло треснуло.

Ласет

Молодой остался один.

Только тогда он позволил себе выдохнуть. Спина вспотела, пальцы дрожали.

— Господин... — прошипел змей, высовывая голову из-под ворота рубашки. — Давайте вернёмся в лес. Сейчас. Пока они не заключили... Пока она не...

— Да, Ласет. — Парень провёл ладонью по чешуйчатой голове. — Давай вернёмся в лес.

Змей благодарно коснулся языком его подбородка. Они понимали друг друга без слов — слишком долго были вместе, слишком много пережили.

— Ты не виноват, что девка бойкая, — добавил Ласет. — И что кот старый и хитрый.

— Виноват, — тихо сказал парень. — Недооценил.

Он выпрямился, застегнул пуговицу рубашки, пряча

змея. Кровь на виске уже запеклась — магия Ласета работала медленно, но верно. Зелёная дымка почти затянула рану.

— Нам нужен договор раньше, чем они... — начал парень, но не закончил.

Дверь распахнулась.

Стражники

Путь ему преградили слуги.

Двое. Нет — четверо. В чёрных ливреях с серебряной вышивкой, с лицами без единой эмоции. У каждого на поясе — короткий меч с воронёным клинком. Не люди. Но и не манекены. Нечто среднее — ожившие магией тени, не знающие усталости и жалости.

— Молодой господин, — заговорил первый, низко кланяясь, но не разгибая спины. — Вам велено вернуться в свои покои. Глава рода приказал не выпускать вас до особого распоряжения.

— До особого? — переспросил парень усмехнувшись. — Или до того, как он придумает мне наказание?

Стражники молчали.

— Скажи ему, — добавил он, проходя мимо, но не оглядываясь, — что я всё равно уйду. Сегодня ночью. В лес. А если он хочет силу Бонифация — пусть не мешает.

— Передадим, — прошелестели слуги в унисон.

В покаях

Тяжёлая дубовая дверь покоев закрылась за ним с глухим стуком. Комната была большой, но пустой — огромная кро-

вать под балдахином, письменный стол, герб на стене. И ни одной живой души.

Парень опустился на край кровати, расстегнул рубашку.

Ласет выскользнул наружу, свернулся кольцом на коленях, поднял голову.

— Господин, — прошипел он, — вы не боитесь его?

— Боюсь, — ответил парень, глядя в окно. Там, за толстым стеклом, сияла всё та же фиолетовая луна. — Но больше я боюсь, что они заключат договор. И тогда Бонифаций станет неуязвим. А этот тупой старик... — он кивнул в сторону, где висел портрет главы рода, — не понимает, что нельзя хватать силу силой. Её можно только выпросить. Или украсть.

— Так украдём, — просто сказал змей.

— Украдём, — согласился парень.

Он лёг на кровать, не раздеваясь. Ласет устроился у него на груди, сворачиваясь в тугую спираль.

— Завтра ночью, — прошептал господин. — Мы вернёмся в лес. И на этот раз я не уйду с пустыми руками.

За окном фиолетовая луна мигнула — словно услышала.

Где-то далеко, на скальной гряде, зелёный дракон вздохнул во сне, и по лесу прошёл тёплый ветер.

Коридоры поместья

— Глупый мальчишка.

Голос звучал тихо, почти ласково, но в этой ласковости было больше яда, чем в укусе любой змеи. Глава рода шёл по коридору своего поместья — длинному, бесконечному, стены которого помнили столетия. Мраморные плиты под ногами были чёрными, как ночное небо, с золотыми прожилками, напоминающими молнии.

С каждой его шагом свечи в настенных подсвечниках вздрагивали. Пламя кренилось в его сторону, словно кланялось.

Он остановился напротив большого портрета, висевшего между двумя стрельчатыми окнами.

Портрет предка

Картина была старой — пожелтевший лак, потемневшее дерево рамы, мелкие трещины на холсте. Но глаза того, кто был на ней изображён, смотрели живо, остро и, казалось, с укором.

Мужчина с чёрными волосами, ниспадающими на плечи. Черты лица острые, породистые, с той хищной красотой, что не стареет, а лишь закаляется со временем. Его глаза горели зелёным — не просто изумрудным, а именно тем светом, какой бывает у драконов в момент охоты. Изумруды. Холодные, властные, живые.

Рядом с ним, положив голову на лапы, лежал дракон.

Чёрный.

Не серый, не тёмно-зелёный — именно чёрный. Такая глубокая, абсолютная чернота, что холст вокруг него казался

серым. Чешуя не блестела, она впитывала свет, и на её фоне даже тени становились светлее.

— Симар... — прошептал Равтель, и в его голосе смешались гордость и боль.

Роковая сделка

Он был потомком тех, кто заключил договор с драконом бездны.

Давно — так давно, что даже летописи выцвели — его предок встретил Симара в подземной пещере, у самого края мироздания. Дракон предложил сделку: кровь рода в обмен на силу и богатство. Предок согласился. Какой человек откажется от бессмертной власти?

Дракон дал им могущество. Дал золото, земли, влияние. Три поколения род Симар правил тенями этого мира, их боялись, им поклонялись, им платили дань.

Но всё оказалось ложью.

— Сила уходит, — проговорил Равтель, глядя на свои руки. Когда-то, в молодости, они светились зелёным, как у предка на портрете. Теперь — лишь редкие искры, слабые, как умирающие светлячки.

Род мельчал.

С каждым новым поколением драконья кровь становилась жиже, дар — слабее, а проклятие — тяжелее. Договор не расторгнуть. Но можно обмануть. Можно найти другую силу, перелить в свои вены, разбавить эту чёрную, высасывающую жизнь мощь.

Иначе — смерть. Исчезновение. Стыд.

Кот-бедствий

— Бонифаций... — имя вырвалось из его уст с шипением.

Глава рода повернулся к окну. В тёмном стекле отразилось его лицо — морщинистое, уставшее, но всё ещё опасное. Глаза — зелёные, да, но уже не те. В них не было драконьего огня. Только тоска.

— Его имя сейчас — чёрный кот-бедствий. Кот погибели.

Равтель усмехнулся. Как низко пали боги и духи, если теперь их называют котами! Двести лет назад о Бонифации шептались с трепетом. Его боялись. Ему поклонялись. Говорили, что он сильнее младших драконов. Говорили, что он помнит рождение мира.

— И ты, Артель, — он сжал кулак так, что костяшки побелели, — ты упустил такого зверя.

Давление извне

Враги не ждали.

Род Симар, некогда величайший дом Изнанки, сейчас был притесняем со всех сторон. Соседи делили его земли, бывшие вассалы отказывались платить дань, а младшие дома открыто насмехались.

— Почти уничтожили, — прошептал он. — Почти. Но я не дам.

Бонифаций был нужен ему не для прихоти. Не для жадности. Для выживания.

— Сила — вот что правит, — сказал он в пустоту. — Не

кровь. Не имя. Не древние договоры. Только сила.

Он посмотрел на портрет предка, прищурился.

— Вы слышите меня, господин Симар? Ваша кровь иссякает. Но я найду выход. Я заключу новый договор. И пусть даже дракон Бездны проснётся от ярости — я найду.

Портрет молчал. Только изумрудные глаза предка, казалось, сверкнули насмешкой.

Глупый сын

— Глупый Артель, — повторил он, теперь уже о сыне, и в голосе сквозила усталость отца, понимающего, что наследник его не понимает. — Сила вот что правит.

Он отступил от портрета и пошёл дальше по коридору. Плечи его были прямыми, но тяжёлыми — будто он нёс на них весь свой A ruined family (разрушенный род) .

— Глупый сын.

Эти два слова повисли в воздухе, как приговор.

Но Артель не слышал. Артель лежал в своих покоях, прижимая к груди Ласета, и смотрел на фиолетовую луну. Он думал о девушке с голубыми глазами, которая кидала бутылки. О коте, который умел превращаться в пантеру. О чём-то новом, чистом, неиспорченном.

Он ещё не знал, что отец готов пойти на всё.

А Равтель знал. И уже отдавал приказы.

Прощание с убежищем.

Последний вечер в тепле

В маленьком доме горел свет.

Не тот резкий, белый свет, что вырывает глаза, а мягкий, живой — от камина и нескольких свечей, расставленных по полкам, подоконникам, даже на полу в глиняных плошках. Тени плясали по стенам, оживляя вышитые пледы, заставляя мухоморов на салфетках казаться настоящими.

Две одинокие души сидели у огня и говорили.

Обо всём и ни о чём.

— А у вас в человеческом мире кошек правда лечат? — спросил Бонифаций, лениво потягиваясь у камина.

— Лечат, — кивнула Стеша. — И собак. И хомячков. И даже змей, если кто-то принесёт.

— Змей? — кот скривился, но в его глазах мелькнуло что-то вроде уважения. — Смелые вы, люди.

— Дуры, — поправила Стеша. — Как я.

Она взяла с полки книгу — старую, в кожаном переплётe, с пожелтевшими страницами. Открыла наугад. Там были рисунки — не буквы, а сложные вязи, похожие на переплетённые ветви, корни, языки пламени.

— Не читай, — тихо сказал Боня. — Это старые заклинания. Некоторые помнят меня... молодым.

— А ты был молодым? — Стеша захлопнула книгу и по-

смотрела на кота.

— Однажды, — усмехнулся тот. — Очень давно.

Они замолчали. Тишина была не тяжёлой, а тёплой, словно второе одеяло, которым укрываешься зимней ночью.

Решение

— Стеша, — Бонифаций встал, потянулся и вдруг сказал серьёзно, без тени прежней игривости. — Тебе нужно вернуться в твой мир.

Девушка замерла.

— С рассветом твой мир — этот слой реальности — растворится. Там, где были дома и дороги, останется только лес. Изнанка не прощает тех, кто задерживается слишком долго.

Он поставил последние тарелки на место — аккуратно, как человек, как будто делал это сотни лет. Но в движении его лап чувствовалась дрожь.

— Что делать? — Стеша встала с кресла, провела рукой по корешкам книг на стеллаже, словно прощаясь. — Что-то опасное?

— И да, и нет, — Бонифаций повернулся к ней. В его янтарных глазах горел тот странный свет, который бывает у тех, кто знает больше, чем говорит. — Я не знаю. Честно. Нам нужно будет выйти из барьера. Змей наверняка ждёт. А может быть, и не только он.

Он замолчал.

Стеша смотрела на него. На этого чёрного кота, который умел становиться пантерой и львом, который жонглировал

чашками и плакал от её объятий.

И улыбнулась.

— С тобой мне не страшно, — сказала она просто и легко, так, словно речь шла о прогулке в парке, а не о переходе сквозь миры под носом у чудовищ. — Пойдём.

Бонифаций моргнул. Дважды. Словно не поверил.

— Хорошо, — выдохнул он. — Хорошо.

Преображение

Он шагнул в центр комнаты и закрыл глаза.

Воздух вокруг него задрожал, как марево над раскалённой землей. Шерсть пошла волнами. Тело начало вытягиваться, расти, наливаясь тяжестью мышц. Лапы становились толще, когти — длиннее, грива — гуще и темнее, чем самая глубокая ночь.

Ещё миг — и перед Стешей стоял не кот и не пантера.

Чёрный лев.

Не просто большой кот — настоящий король зверей, уменьшенная копия того величия, что спит в древних саваннах снов. Его грива переливалась, как воронёная сталь, глаза горели янтарным огнём, а от каждого вздоха в груди чувствовалась сила, способная сокрушить дерево.

— Садись сверху, — голос Бонифация стал глубже, но остался прежним — тёплым, чуть насмешливым. — Я отведу тебя к portalу.

— Какой ты... — прошептала Стеша. — Какой красивый.

Она подошла ближе, не боясь ни на миг. Забралась на

широкую львиную спину, обхватила руками мощную шею, уткнулась лицом в густую, мягкую гриву. Запах шерсти — лес, озон и что-то сладкое, вроде ванили, оставшейся от блинов.

— Кхм... — раздалось снизу.

Стеша отстранилась, заглянула в морду льва.

Бонифаций... краснел. Лев. Чёрный, грозный, древний. Краснел, как мальчишка, которому впервые сказали комплимент.

— Ты что, смущаешься? — рассмеялась Стеша.

— Стеша, надо идти, — буркнул лев, пряча глаза и делая вид, что очень занят проверкой своих лап. — Серьёзно. Идти надо. Рассвет близко.

— Хорошо.

Она снова прижалась к гриве. Лев вздохнул, тряхнул головой, расправляя плечи.

Выход

Тяжёлая дверь домика открылась сама.

За порогом — не привычный двор, а стена тумана, серебристого, плотного, почти осязаемого. Где-то в этой мгле горели два зелёных огонька — слишком далеко, чтобы быть опасными, но достаточно близко, чтобы помнить.

— Держись, — сказал Бонифаций.

— Держусь, — ответила Стеша.

Лев шагнул в туман.

Позади остался маленький дом — с тёплым светом в ок-

нах, с запахом трав и одиночества. Он ещё будет ждать. Он всегда ждал тех, кто в нём нуждался.

А впереди был лес. И портал. И неизвестность.

И две одинокие души, которые больше не были одинокими.

Сверху светила фиолетовая луна.

Внизу, под когтями льва, мягко пружинил мох.

А где-то среди деревьев, прячась в тених, Ласет приподнял голову и прошептал:

— Господин, они вышли.

Артель коснулся рукой груди, где под рубашкой билось горячее змеиное сердце.

— Я знаю, — ответил он. — Иду.

Стычка в лесу

Туман расступается

Лес встретил их тишиной.

Не той уютной, домашней тишиной, что была в домишке Бонифация, а холодной, настороженной — когда каждый куст, каждый корень, каждая тень за деревом кажется живой и ждёт только команды, чтобы наброситься.

Чёрный лев шёл мягко, бесшумно. Его мощные лапы ступали на мох, не оставляя следов, но Стеша чувствовала, как под шерстью перекачиваются тугие мышцы — напряжённые, готовые к броску.

— Боня, — прошептала она, склонившись к его уху. — Ты чувствуешь что-то?

— Чую, — ответил лев глухо. — Молчи.

Туман клубился вокруг, серебристый, густой, как кисель. Фиолетовая луна едва пробивалась сквозь него, превращая мир в чёрно-синюю акварель, где все границы размыты, а расстояния обманчивы.

И вдруг — запах.

Резкий, холодный, чешуйчатый. Запах змеи.

Ласет

— Сто-о-ой, — прошипело из темноты.

Бонифаций замер. Лев присел, готовясь к прыжку, Стеша вцепилась в его гриву пальцами.

Из тумана выступила фигура.

Нет — не фигура. Две.

Впереди, извиваясь, выползал огромный змей. Но не тот, что был раньше, не просто пресмыкающееся. Ласет сейчас стоял на двух лапах — получеловек, полузмея. Верхняя часть тела была почти человеческой: широкие плечи, покрытые тёмно-зелёной чешуёй, длинные руки с когтистыми пальцами, узкое лицо с вертикальными зрачками. Из-за губ виднелись клыки. Из спины торчали короткие, но острые шипы.

Нижняя часть оставалась змеиной — мощный хвост длинной в несколько метров, переливающийся маслянистой чернотой.

За его спиной, чуть поодаль, стоял Артель. Молодой господин. Без фрака — в простой чёрной рубашке, расстёгнутой на груди. Его глаза горели холодным зелёным, но в них не было той уверенности, что в доме его отца. Была тоска. И страх.

— Бонифаций, — Ласет склонил голову, усмехаясь. — Долго же ты прятался под защитой барьера. А мы всё ждали.

— Ласет, — лев оскалился, и в его пасти сверкнули не клыки — кинжалы. — Отойди с дороги. Мне не до тебя.

— А мне — до тебя, — змей качнулся. — Мне нужна твоя сила, кот. Или ты забыл, кто гнался за тобой от самого клуба?

Стеша похолодела.

— Это ты... — прошептала она. — Тогда, в переулке... это ты был?

Ласет перевёл взгляд на неё, на мгновение его зрачки расширились, став почти человеческими.

— Ах, бойкая девка, — прошипел он с уважением. — Да, я. Хорошо ты тогда запустила в меня той бутылкой. Голова до сих пор болит.

Он почесал макушку когтистой лапой, и Стеша заметила — чуть выше виска всё ещё виднелся фиолетовый след от удара.

— Ласет, — тихо сказал Артель из-за спины. — Не надо...

— Надо, господин, — оборвал его змей. — Надо. Или вы хотите, чтобы ваш отец нас со свету сжил?

Стычка

Бонифаций не стал ждать.

Он прыгнул.

Чёрная молния метнулась вперёд, но Ласет был готов — его хвост взметнулся, ударил по воздуху с такой силой, что ближайшие деревья согнулись. Лев увернулся в последний момент, перекатился через спину, взметнув когтями.

Чешуя змея брызнула в стороны.

Ласет взвыл — не от боли, от ярости. Он бросился на льва, обвивая его своим телом, сжимая кольцами. Бонифаций рычал, кусал, рвал, но змеиная хватка была страшной — каждое кольцо душило, каждое движение отнимало воздух.

— Стеша! — успел крикнуть лев. — Беги к portalу! Прямо! Туман расступится!

Но Стеша не побежала.

Она соскользнула со спины льва в тот миг, когда он ещё мог держаться на лапах. Упала на мох, перекатилась, вскочила.

И увидела рядом Артеля.

Молодой господин смотрел на неё растерянno — не ожидал, что девушка окажется так близко. Его рука потянулась к ней, но не для удара, скорее чтобы заслонить.

— Уходи, — сказал он вдруг. — Пока он... пока Ласет не...

— Не тронь её! — взревел Бонифаций.

Лев рванулся из последних сил. Когти вонзились в змеиную плоть. Ласет взвыл, ослабил хватку — и лев вырвался,

откатился в сторону, тяжело дыша, с кровью на боках.

Но он ещё мог стоять.

Удар

— Ласет, хватит! — крикнул Артель.

— Нет! — заорал змей. — Мы возьмём его силу! Сейчас!

Или никогда!

Он бросился на Бонифация снова, но лев уже ждал. Уклонился. Прыгнул. Его лапа со страшной силой обрушилась на голову змея — и Ласет отлетел в сторону, ломая маленькие деревца, и замер, оглушённый.

— Не... не надо... — прошептал Артель.

Он побежал к своему змею. Упал на колени, прикрывая его своим телом, раскинув руки.

— Не трогай его, Бонифаций, — в голосе молодого господина слышалась мольба. — Он просто хотел... он пытался защитить меня... Забери мою силу, забери что хочешь, но не убивай его.

Ласет поднял голову, мутными глазами посмотрел на хозяина.

— Господин... глупый... убегайте...

— Нет, — сказал Артель. — Вместе или никак.

Бонифаций стоял над ними, чёрный, страшный, окровавленный. Его грудь тяжело вздымалась. Янтарные глаза смотрели на поверженного врага и на его хозяина, который закрыл змея собой.

Он мог их добить. Должен был.

Но не стал.

— Убирайтесь, — рыкнул лев. — Убирайтесь оба. Пока я не передумал.

Артель подхватил Ласета. Змей начал уменьшаться, сворачиваться, превращаться в обычную — маленькую, жалкую — змею, которую хозяин спрятал за пазуху.

— Спасибо, — прошептал Артель, не поднимая глаз.

И исчез в тумане.

К порталу

— Стеша, — Бонифаций подошёл к ней, пошатываясь. — Жива?

— Жива, — она коснулась его морды. — А ты?

— Бывало и хуже, — лев попытался усмехнуться, но вышло жалко. — Садись. Времени мало. Рассвет скоро.

Стеша забралась на него — осторожно, стараясь не задеть глубокие царапины на боках. Лев вздохнул и побежал.

Не так быстро, как раньше. Не так грациозно. Но упрямо — раз за разом переставляя лапы, удаляясь от места битвы.

Туман расступался перед ними, будто узнавая.

— Боня, — спросила она тихо. — Ты мог их убить. Почему не убил?

Лев молчал долго.

— Потому что я устал убивать, — сказал он наконец. — И потому что он закрыл собой змея. Как друг. А друзей я не убиваю. Даже чужих.

Стеша замолчала.

Впереди, среди деревьев, показался просвет — знакомый силуэт старого парка, лавочка, разрушенная колоннада.

И фонтан.

Фонтан

Он был старым, заброшенным — с потрескавшимся камнем, без воды, на дне — сухие листья и птичьи перья.

— Тот самый? — спросила Стеша, прыгивая со льва.

— Тот самый, — Бонифаций тяжело опустился на землю.

Небо на горизонте начинало светлеть. Не розовым, как дома, а бледно-сиреневым, почти прозрачным. Звёзды гасли одна за другой.

— Когда солнце коснётся той сосны, — лев кивнул на пушистое дерево, которое они видели в первую встречу, — прыгай. Фонтан откроется. Успеешь — вернёшься домой. Не успеешь — останешься здесь навсегда.

— А ты?

— Я остаюсь, — лев посмотрел на неё, и в его глазах был тот же свет, что и в домике, когда она обнимала его. — Мой мир здесь. Но я запомню тебя, Стеша.

Она подошла и обняла его — огромную чёрную морду, прижалась к ней щекой.

— И я тебя запомню, Боня.

Солнце коснулось вершины сосны.

Первая капля золота упала на край фонтана.

— Живи, — сказал лев. — И будь такой же бойкой.

Стеша разжала объятия, разбежалась...

И прыгнула.

Возвращение

Очнуться в реальности

Стеша очнулась на лавочке.

Жёсткие деревянные планки впивались в спину, где-то над головой чирикал наглый воробей, а воздух пах не озоном и древними травами, а городской пылью, бензином и утренней прохладой.

Рассвет уже наступил — самый обычный, земной, розово-золотой.

Рядом, аккуратно сложенные, стояли её тапки с загнутыми носами и красные шаровары. Чистые. Словно их только что постирали и погладили.

— Ну ты, подруга, отожгла! — раздался звонкий голос.

Стеша приподняла голову. Над ней склонилась Анька — её лучшая подруга, с огромными серёжками-кольцами и вечно недовольным выражением лица, которое сейчас сменилось искренним облегчением.

— Мы тебя четыре часа искали после той драки, — Анька протянула ей пакет. Там лежали чистая футболка, вода и какие-то булочки. — А ты, блин, в фонтане плавала. В одежде. Среди листьев. Как русалка недоделанная.

— Я? — Степанида села, потёрла виски. Голова была тяжёлой, но не больной. Скорее пустой — как после долгого,

долгого сна.

— Ты, ты, — вторая подруга, Ленка, уже возилась с пластырями, клея их на мелкие царапины на руках Стеши. — Ты хоть помнишь, как из клуба выбежала? Босиком? С котом каким-то?

— С котом... — прошептала Стеша.

Она посмотрела на свои руки. Под ногтями — не земля, не мох. Обычная грязь. Никакой магии.

— Чудеса, — сказала она тихо.

— Ты это брось, — Анька помогла ей встать. — Чудеса у нас в универе будут, когда зачёт сдадим. Пошли, отоспишься.

Стеша надела шаровары и тапки — те самые, удивительно удобные, подаренные Бонифацием. Обувь сидела идеально, словно была частью её самой.

На обратном пути она обернулась на фонтан.

Сухой. Грязный. Обычный.

Никакого портала.

— Приснилось, — сказала она себе. — Всё приснилось.

Но тапки с загнутыми носами мягко пружинили под ногами.

Четыре дня спустя

Четыре дня мир катился по привычным рельсам.

Степанида ходила на пары, отбивалась от вопросов подруг (где была, почему босиком, откуда такие странные штаны),

спала по двенадцать часов и видела во сне зелёные луга, фиолетовую луну и чей-то тёплый, мурлыкающий бок.

— Степанида Крамец!

Указка громко ударила по доске. Преподаватель — сухой, как вобла, старик с вечно недовольным лицом — смотрел на неё поверх очков.

— Это будет в зачёте!

— Да, да, конечно, — Степанида закивала энергично, хотя только что смотрела в окно и думала о том, успел ли Бонифаций зализать свои раны.

Она опустила глаза в тетрадь.

На полях, сама не заметив как, она рисовала чёрного кота. С огромными янтарными глазами. И почему-то с бантиком из блинов на шее.

— Дура, — прошептала она себе, но улыбнулась.

Там, где зелёный дракон

А в Изнанке, на вершине скальной гряды, где вечные снега светились серебром, Амиша потирал лапы.

Чешуя переливалась всеми оттенками зелёного — от травы до хвои, от малахита до нефрита. В его янтарных глазах горел странный огонь. Не голодный. Не злой. Любопытный.

— Интересно, очень интересно, — прошептал дракон, и от его голоса с вершины сорвалась маленькая лавина. — Такая бойкая девушка. Такой странный кот.

Он запрокинул голову к фиолетовому небу и засмеялся —

тихо, раскатисто, как дальний гром.

— Договор не заключён. Но связь есть. Я чувую. И эта связь может пригодиться...

Он щёлкнул когтем, и перед ним в воздухе замерла картинка: Стеша за партой, рисует кота, а на её ногах — красные шаровары и тапки с загнутыми носами.

— Скоро увидимся, Степанида Крамец, — дракон прикрыл глаза и снова свернулся клубком, делая вид, что засыпает.

Но кончик его хвоста подрагивал.

Как у кота, который выследил добычу.

Ключи в замке

Бонифаций открыл глаза.

Он лежал на чём-то мягком, пахнущем тканью и пылью. Не на мху. Не в своей лежанке.

Он приподнял голову.

Стены. Белые. Обои в цветочек. Шкаф. Диван. Комод. И на комод — аккуратно сложенные, красные шаровары и тапки с загнутыми носами.

— Нет... — прошептал кот. — Не может быть.

Он сел. Лапы слушались, раны затянулись — магия работала, хоть и медленно. В комнате пахло знакомо. Очень знакомо. Духами, дешёвым кофе и чем-то ещё — тем неуловимым запахом, который называется «дом».

— Пахнет знакомо, — сказал он вслух. — Слишком зна-

комо.

В коридоре звякнули ключи.

Шаги. Два раза повернулся замок.

Дверь открылась.

На пороге стояла Степанида — в джинсах, растянутой кофте, с рюкзаком на одном плече. Уставшая, немного рас­трёпанная, с синяками под глазами от бессонных ночей и за­чётов.

Она увидела кота.

Кот увидел её.

— Стеша... — выдохнул Бонифаций человеческим голо­сом.

Шаги замерли.

Стеша выронила ключи.

— Боня? — прошептала она.

Кот кивнул. Его янтарные глаза блестели — то ли от света лампы, то ли от слёз.

— Я не знаю, как я здесь оказался. Но... можно я оста­нись? Ненадолго?

Стеша закрыла дверь. Опустилась на колени. Протянула руку и коснулась тёплой, живой шерсти.

— Оставайся, — сказала она. — Навсегда.

Кот мурлыкнул, потёрся о её ладонь и вдруг, не удержав­шись, тихо-тихо заплакал.

Но это были хорошие слёзы.

А высоко в небе, там, где фиолетовая луна только начи-

нала свой путь, зелёный дракон улыбнулся во сне и пробормотал:

— Вот теперь точно интересно.

Глава 2

Тишина перед рассветом

Город просыпался неохотно. За окном, в серой предрассветной мгле, еще не зажглись первые огни, и мир казался застывшим, как граненый хрусталь, готовый вот-вот расколоться от первого звука. Где-то вдалеке, за многоэтажными коробками спальных районов, просыпалась железная дорога, но здесь, в маленькой квартире на восьмом этаже, царила та особенная, хрупкая тишина, которая бывает только на исходе ночи.

Стеша лежала, уткнувшись носом в подушку, и ее сон был глубоким, как омут. Ей снилось золотое поле, тянущееся до самого горизонта, и женщина в странной шляпе, похожей на мухомор, которая манила ее за собой, повторяя: «Ты почти пришла. Еще немного». Этот сон был таким же, как и всегда, — тревожным, но манящим. Она чувствовала, как теплый ветер касается ее лица, пахнувший полынью и медом, но не могла сделать и шагу.

Нежный, но настойчивый толчок в плечо вырвал ее из этого мира.

— Ммм... — простонала она, пытаясь укрыться одеялом с головой. — Еще пять минут, мам...

— Я не твоя мать, — раздался голос, глубокий, с хрипотцой, которая, казалось, хранила в себе шепот веков. — И твои пять минут уже истекли. Мы опаздываем.

Стеша приоткрыла один глаз. В двух сантиметрах от ее лица, прямо на подушке, сидел черный кот. Не просто кот — Бонифаций. Его шерсть была густой, как ночной бархат, и в полумраке комнаты она казалась живой, переливающейся фиолетовыми отсветами. Его глаза — два янтаря с вертикальными зрачками — смотрели на нее с выражением бесконечного терпения и легкого сарказма. Лапа, которую он только что убрал с ее щеки, была теплой и чуть шершавой.

— Боня, — простонала она, — ну сколько можно? Я взрослая девочка. Я могу встать сама. У меня есть будильник.

— Твой будильник не знает, что такое время, — парировал кот, аккуратно перебирая лапами на пуховой перине.

— Он глупый механический предмет. А я вижу, как ты лежишь, распластавшись, как медуза. Ты похожа на медузу, которую выбросило на берег. Бесформенная, безвольная, вся в этом... одеяле.

— Я не медуза!

— Медуза, — повторил Бонифаций с ледяной уверенностью, которая не терпела возражений. — Я видел медуз, Стеша. В Средиземном море, в прошлом тысячелетии. Их было много, и все они были так же беспомощны без воды. Ты — их точная копия. Только с волосами. Они, кстати, торчат во все стороны, как корни старого дуба.

Стеша села, запустив пальцы в свое короткое каре, окончательно превратив его в птичье гнездо. Она надула губы, но в глазах у нее уже плясали искорки смеха. Как бы ни ворчал Бонифаций, он всегда был прав. И он всегда заботился о ней.

Кот вздохнул — тяжело, как старый учитель, который устал повторять одно и то же непослушному ученику.

— Собирайся. Мы едем в Заозерье. Ты обещала деду Юрию. Ты помнишь, что такое обещание? Это слово, которое означает, что ты делаешь то, что сказала.

— Я знаю, — Стеша снова зевнула, чувствуя, как сонливость еще липнет к ее векам, и посмотрела на будильник. Половина седьмого. За окном только начинало сереть, и небо было похоже на разбавленное молоко. — Но это же выходные! Мы могли бы поехать и на дневном поезде.

— Нет. — Бонифаций спрыгнул с кровати с грацией текучей воды, приземлившись бесшумно, и направился к двери. Его хвост был задран гордо и высоко, как флаг. — Мы не могли бы. Дорога долгая, а твоя мать... — он обернулся, и его янтарные глаза блеснули в темноте коридора, — она не любит внезапностей. Она из той породы людей, которые живут по солнцу. Для нее ужин — это когда закат, а не когда в городе зажигаются фонари.

Стеша улыбнулась. Мама. Лариса. Она всегда была такой — строгой, но нежной, как накрахмаленная льняная простыня, пахнувшая солнцем и ветром.

Лариса

Она родилась в Заозёрье, в том самом доме с резными наличниками, который стоял на краю степи, как забытый всеми корабль в море травы. Ей было сорок девять, но в ее дви-

жениях чувствовалась та вечная, неторопливая грация, которую дают только долгие годы жизни у земли. Она пахла не духами, а травами — сушеным чабрецом, мятой, ромашкой и свежеиспеченным хлебом, который она всегда ставила по утрам.

Лариса говорила негромко, но слова ее были тяжелыми и точными. Она была строгой до дрожи, когда дело касалось учебы, порядка или домашних обязанностей. Но доброта ее была глубокой, как старый колодец. Это была та тихая, всепоглощающая материнская любовь, которая не говорит о себе громко, а просыпается в каждой мелочи: в парном молоке, в чистой простыне, в теплой руке, которой она касалась лба Стеши, когда та болела.

И она берегла свой дом. Как старый дракон, который спит на горе золота и просыпается от любого шороха, готовый испепелить любого, кто посмеет посягнуть на его сокровища. Для нее дом был не просто стенами. Это была живая сущность, дышащая, помнящая. Она чувствовала, как скрипят половицы, как дышит печь, как шепчутся травы за окном.

— Хорошо, — сказала Стеша, чувствуя, как внутри разливается тепло от этой мысли. — Едем.

Путь через миры

Они выехали, когда город уже начал свою шумную, суетливую жизнь. Поезд, старый и громыхающий, унес их прочь от бетонных джунглей. Стеша сидела у окна, прислонившись лбом к прохладному стеклу, и смотрела, как пейзаж за окном меняется: сначала бесконечные серые многоэтажки, потом редкие дачные домики, а затем — поля. Море зеленой пшеницы, которая волновалась на ветру, как океан.

Бонифаций сидел в ее рюкзаке, высунув морду наружу. Его ноздри трепетали, втягивая новые, чистые запахи.

— Пахнет землей, — сказал он, и в его голосе послышалось странное, почти человеческое удовольствие. — Настоящей землей. Не этой вашей бетонной пылью и выхлопными газами.

— Это еще не Заозёрье, — ответила Стеша, отрываясь от окна. — Это только начало. Дальше будет степь. Настоящая.

— Я люблю степи, — Бонифаций зажмурился от ветра, который проникал в открытую форточку вагона. — В них есть свобода. И они помнят древность. Трава здесь растет на

костях тысячелетий.

Они пересаживались с поезда на автобус, с автобуса на попутку. Солнце поднималось все выше, припекало, а потом стало клониться к закату, окрашивая облака в багровые и золотые тона. И наконец, когда последние лучи угасли за горизонтом, автобус остановился на маленьком полустанке, где было только небо, ветер и звезды.

— Дальше пешком, — Стеша поправила лямки рюкзака, чувствуя, как от долгой дороги гудят ноги. — Километра три. Через степь.

— Не боишься? — спросил Бонифаций, выпрыгивая на землю и сладко потягиваясь, выпуская когти. Он был похож на маленькую пантеру, сбросившую маску.

— Чего?

— Темноты, — кот посмотрел вдаль, где ночь уже опустилась на горизонт. — Леса. И того, что там водится, в этой траве, которая кажется спокойной.

Стеша посмотрела на него. В сумерках его черная шерсть сливалась с тенями, и только глаза горели, как два маленьких костра, которые никогда не гаснут.

— Со мной ты, — сказала она просто. — Мне не страшно.

Кот не ответил. Но его хвост на мгновение дрогнул, выдавая глубокое волнение, а затем он бесшумно шагнул вперед, указывая путь.

Дыхание древней степи

Степь встретила их не просто тишиной — она встретила их голосом самого мира. Это была огромная, бесконечная, звенящая тишина, в которой можно было услышать, как растет трава. Небо, черное, как бархат, было усыпано звёздами — не жалкой горсткой, которую можно было пересчитать в городе, а целым ковром, ослепительным и бесконечным. Млечный путь перечеркивал небо серебряной рекой, и казалось, что если долго смотреть, то можно упасть в эту звездную бездну.

Трава шуршала под ногами. Это был живой, шепчущий звук, разговор стеблей друг с другом. Где-то далеко ухал филин, и его голос, низкий и грустный, разносился над степью, как древняя песня. Стеша шла по тропинке, которую знала с детства. Бонифаций бежал рядом, иногда забегая вперед,

проверяя дорогу, иногда возвращаясь и касаясь носом ее руки, словно проверяя, не пропала ли она.

— Вон там, — она указала вдаль, где на темном фоне неба мерцал едва заметный желтый огонек. — Это мамин дом. Видишь?

— Вижу, — ответил кот, прибавляя шаг. — Он похож на светлячка в этом черном океане.

И тогда они увидели его.

Сначала Стеша подумала, что это игра света. Что это просто отсвет луны, отразившейся в спокойной воде озера, которое пряталось за холмом. Или что это метеор, который падает за горизонтом. Но Бонифаций замер. Резко. Напряженно. Его шерсть встала дыбом, превращая его из маленького кота в пружину, готовую к взрыву. Его глаза расширились, и в них плеснулся дикий, первобытный страх.

— Стой, — его голос стал ниже, опаснее. — Не двигайся, Стеша. Ни звука.

По степи бежал конь.

Он был соткан из пламени. Его тело светилось алым и золотым, оставляя за собой шлейф искр, которые гасли, не долетев до земли. Грива его, как живой огонь, струилась на ветру, и он был великолепен в своей первобытной ярости. Но самое странное — у него было шесть ног.

Длинные, стройные, они перебирали траву с нечеловеческой грацией, и каждый шаг звучал как музыка — глухой, торжественный топот, от которого земля под ногами начала дрожать, а трава — пригибаться, словно кланяясь ему.

— Что это? — прошептала Стеша, и в голосе ее не было испуга — только благоговейный трепет, как перед чудом.

Бонифаций не ответил. Он стоял неподвижно, припав к земле, готовый к прыжку, его когти выдвинулись из мягких подушечек, впиваясь в землю. Он был готов защищать свою человеческую девочку от всего, что существовало в этом мире и за его пределами, даже если это был сам огонь.

Огненный конь бежал далеко, почти у самого горизонта. Он не видел их — они были слишком малы, слишком незна-

чительны среди этой бесконечной степи. Он мчался по своей вечной дороге, оставляя за собой только тепло и запах гари. И через несколько секунд он скрылся за холмом, как будто его поглотила земля.

Бонифаций медленно, с дрожью в теле, опустился на все четыре лапы. Он глубоко выдохнул.

— Он ушел , — сказал он, и голос его звучал глухо.

— Что это, Боня? — Стеша шагнула к нему и опустилась на колени, положив руку на его дрожащую спину. Его шерсть все еще была вздыблена, и под пальцами она чувствовала, как бьется его маленькое, но такое отважное сердце. — Что это было?

Кот повернул к ней голову. В его янтарных глазах все еще горел огонь удивления и настоящего, глубокого страха, который он так старался скрыть.

— Я не знаю, — сказал он тихо. — Я никогда не видел ничего подобного. Шестиногий конь из огня... это не зверь Изнанки. Это что-то другое. Древнее. Может быть, даже старше меня, — он горько усмехнулся.

Он помолчал, приюхиваясь к ветру, который теперь при-

нес с собой горький запах дыма и сухой травы.

— Но он ушел. И мы должны идти. К твоей матери. В ее доме... в этом месте есть ответы. Я чувствую. Сама земля здесь дышит по-другому. Ее корни уходят глубоко, в самое сердце того, что было до нас.

Стеша кивнула. Она подхватила рюкзак, который уронила, когда остолбенела, и они пошли дальше — быстрее, чем раньше, почти бегом. Огненный конь остался позади, но в воздухе все еще витал его запах: жар, сера и древняя магия, рожденная в самом начале времен.

Мамин дом как живое существо

Они добрались уже после полуночи. Маленький дом из потемневшего, старого дерева, с резными наличниками, на которых были вырезаны странные символы — то ли цветы, то ли языки пламени. Сад перед крыльцом утопал в темноте, но Стеша чувствовала его дыхание: яблони, кусты смородины, высокие подсолнухи, которые днем стояли как часовые. В окнах горел свет — желтый, теплый, как живой огонь свечи.

Стеша толкнула калитку, которая заскрипела на удивление знакомо, и вошла во двор.

Из дома сразу же вышла Лариса.

Она была в длинной цветастой юбке, которая колыхалась при каждом шаге, и вязаном свитере грубой вязки — даже летом она носила что-то теплое, привыкшая к ночным холодам степи. Ее волосы, уже тронутые благородной сединой, были заплетены в тугую, тяжелую косу, которая лежала на плече, как веревка. В руках она держала старую керосиновую лампу, и ее свет танцевал на ее лице, высвечивая глубокие морщинки у глаз и мягкую улыбку, которая тронула губы.

— Степанида, — сказала она строго, но Стеша видела, как на мгновение потеплел ее взгляд, как в нем мелькнула облегченная искра. — Почему так поздно? Я волновалась. Я уже собиралась идти к дороге.

— Автобус задержался, — соврала Стеша, и ложь горько обожгла ей губы. Она шагнула вперед и обняла мать — крепко, по-дочернему, чувствуя запах сушеных трав, хлебного духа и ее собственный, теплый, человеческий запах.

Лариса помедлила секунду, ощущая странное напряжение в теле дочери, а потом обняла ее в ответ — так же крепко,

укрывая от всего мира.

— Проходи, — сказала она, отстраняясь и внимательно глядя на Стешу. — Я сварила суп. И пирог испекла. С яблоками. — Она перевела взгляд на Бонифация, который стоял у ног Стешы, настороженно и в то же время почтительно глядя вверх. — А это кто?

— Кот, — сказала Стеша. — Боня. Я его подобрала. Он... очень хороший.

— Кот, — Лариса наклонила голову, всматриваясь в черную шерсть и янтарные глаза, которые, казалось, знали больше, чем можно было произнести вслух. Ее взгляд на мгновение потемнел, но она взяла себя в руки. — Ну что ж... коты в доме к добру. Особенно такие, — она сделала паузу, — с глазами древних. Проходи, Боня. Не стой на пороге.

И она открыла дверь шире, впуская их в свое царство.

Бонифаций перешагнул порог, и первое, что он увидел — пучки сухих трав, развешенные под потолком: зверобой, полынь, чабрец. В красном углу теплилась лампадка перед старой иконой, а на стене висел вышитый рушник с яркими, почти кровавыми узорами. Дом пах домом — теплом, древесиной, настоящей жизнью. Но под этим запахом, на самой

глубине, Бонифаций учуял иное. Что-то, что клубилось в его крови и в его памяти.

«— Твоя сестра уже спит», — сказала Лариса, проходя на кухню и зажигая керосиновую лампу на столе. — Не буди ее. Завтра все расскажешь, когда отдохнешь. — Она бросила взгляд на узел, который Бонифаций держал наготове. — И о нем тоже.

Стеша кивнула и села за стол, ощущая, как тепло дома разливается по телу, убирая усталость. Бонифаций устроился у ее ног, на старом половике, который был соткан из разноцветных лоскутков и, казалось, помнил еще Ведану.

За окном стояла фиолетовая, тяжелая луна — такая же, как над Изнанкой. Но степь за домом была другой. В ней жила не просто магия, а сознание. Она дышала. Она ждала.

И Стеша чувствовала — это только начало. То, что она увидела в степи, было предупреждением. Или приглашением.

Дом, который знает всё

Стеша не могла уснуть.

Она лежала на широкой деревянной кровати, укрытая тяжелым стеганым одеялом, которое пахло лавандой и старым деревом, и смотрела в потолок. Там, в лунном свете, танцевали тени от веток старого клена за окном, создавая причудливые узоры, похожие на письма.

В доме пахло щами и пирогом. Этот запах — наваристый, с дымком, смешанный с пряной сладостью яблочной начинки и карамелью, — висел в воздухе, проникая в каждую щель, в каждую половицу. Он был таким родным, таким уютным, что Стеша почти чувствовала себя маленькой девочкой, которая приехала к бабушке на каникулы.

Почти.

Потому что рядом, на подушке, лежал не просто кот. Бонифаций. Его уши, большие и подвижные, стояли торчком и, казалось, жили своей жизнью. Они двигались, поворачивались, ловя каждый звук, каждый шорох: стрекот сверчков за окном, шелест травы под ветром, который набирал силу, шорох мелких лапок — мышей или других ночных зверьков, бегущих по степи к саду за объедками.

— Боня, — тихо сказала Стеша, протягивая руку и каса-

ьясь его бархатной головы. — Расслабься. Здесь безопасно. Я чувствую.

— Я знаю, — ответил кот, не отводя взгляда от окна. — Но я не могу расслабиться. Этот дом... он странный.

— Странный?

— Да. — Он наконец повернул к ней голову, и его глаза отражали лунный свет, превращаясь в два горящих уголька. — Он пахнет магией. Древней. Но не той, что в Изнанке. Другой... более земной. Как будто сама земля здесь — это камень, который не шлифовали тысячелетиями.

Стеша улыбнулась, проведя пальцами по его спине.

— Это мамины травы. Она сушит их и вешает под потолком. Всю жизнь так делает. Говорит, что они хранят сон.

— Нет, — Бонифаций покачал головой, и в этом жесте было столько уверенности, что Стеша нахмурилась. — Это не травы. И не пирог. Это что-то в самих стенах. В земле под домом. Я чувствую корни. Они уходят глубоко. Очень глубоко, до самого ядра этого мира.

Стеша хотела спросить, что он имеет в виду, но в этот мо-

мент в открытое настежь окно просунулась голова.

Черная. Широколобая. С большими, теплыми, влажными ноздрями, которые шумно втягивали воздух, фыркая от избытка чувств.

Ночной гость

Буц стоял у самого окна, переступая с ноги на ногу, и смотрел на Стешу огромными, темными, как глубокий колодец, глазами. В них отражался свет ночника, стоявшего на подоконнике, и это делало их похожими на звезды в ночном небе.

Это был обычный деревенский конь — сильный, коренастый, с густой, черной, как смоль, гривой, которая сейчас была слегка растрепана ночным ветром. Его шерсть блестела в лунном свете, влажная от росы, и пахла лошадиным потом, сеном и той особенной свободой, которую можно найти только в степи.

— Буц, — прошептала Стеша, приподнимаясь на локте. — Ты чего не спишь? Мама будет ругаться, если увидит тебя у окна, ты цветы потопчешь.

Конь фыркнул, и от его теплого дыхания поднялся пар. Он просунул голову чуть дальше, почти касаясь носом ее руки, словно проверяя, настоящая ли она, не сон ли это.

— Скучаешь, да? — Стеша улыбнулась, поглаживая его по теплой, бархатистой морде. Его шерсть была мягкой и сухой под ее пальцами. — Соскучился, глупыш. Я же приехала. Завтра проведу осмотр. Проверю твои копыта и зубы.

Буц словно понял. Он слегка кивнул — медленно, важно, как старый мудрый учитель, который соглашается с нерадивым учеником. Потом он вытащил голову из окна и, шумно вздохнув, опустил ее к клумбе под окном. Там, в темноте, что-то хрустнуло. Он доедал. Мягкие, сочные листья помидоров? Или цветы? Стеша не видела, но подозревала, что завтра утром Лариса обнаружит пропажу и будет долго ворчать, грозить ему кулаком.

Буц не спеша пережевывал и, словно убедившись, что все вкусное съедено, развернулся и зацокал копытами в сторону стойла, его фигура на фоне звездного неба казалась монументальной. Через минуту он растворился в темноте сада. Только слышно было, как он фыркнул на прощание, а потом — тишина.

Стеша опустилась на подушку и выдохнула. Она чувствовала странную, щемящую радость от этой встречи.

— Это Буц, — сказала она Бонифацию, не оборачиваясь. — Мамин конь. Он меня знает с детства. Всегда приходит, когда я приезжаю. Как будто ждет.

— Он не простой, — сказал кот, и его голос прозвучал из глубины комнаты, словно он знал тайну, которую не решался произнести вслух.

— Что?

— Конь, — Бонифаций приподнял голову, и его уши снова насторожились. — Он не простой. Я чувствую в нем искру. Маленькую. Едва заметную, как уголек в золе. Но она есть. И она бьется в такт с землей.

— Ну, — Стеша пожала плечами, но внутри ее шевельнулось любопытство. — Буц и правда особенный. Мама говорит, что его дед пришел к ее деду сам. Из степи. Никто не знает, откуда. Просто появился однажды утром у колодца, как будто его принес ветер. И остался. С тех пор в нашей семье всегда был один такой конь.

— Из степи, — повторил Бонифаций. — Как и тот огнен-

ный конь?

Стеша замолчала. Эта мысль, которая только что пришла ей в голову, была как молния.

— Ты думаешь, они связаны?

— Не знаю, — кот положил голову на лапы, но его хвост продолжал нервно подергиваться. — Но я хочу это выяснить. Завтра.

Он зевнул, показав розовый язык и острые, как иглы, клыки, и прикрыл глаза. Но уши его все еще шевелились, ловя ночные звуки. Он слушал. Ночь. Сверчки. Шорох травы. Далекое дыхание земли.

И что-то еще. Что-то, что пряталось в самой глубине этой степи, уходящей в бесконечность за горизонтом. Что-то, что звало его, как звало когда-то в давно забытые времена.

Тихий разговор перед сном

Стеша не спала. Она лежала, глядя в открытое окно, и слушала, как дышит Бонифаций. Он почти уснул, но его мур-

лыканье — глухое, утробное, вибрирующее — говорило, что он все еще здесь, все еще с ней, на границе сознания.

— Боня, — прошептала она.

— Мм? — он приоткрыл один глаз, сверкнувший в темноте янтарем.

— А что ты чувствуешь, когда смотришь на Буца?

Кот помолчал. В комнате стало совсем тихо, слышно было лишь, как ветер играет с занавеской, да где-то в стойле переступает копытами Буц.

— Память, — сказал он наконец. — Очень старую. Такую, какая бывает у земли. Или у камней, которые помнят, как умирали моря. Он помнит то, что забыли люди. Он хранит это в своей крови.

— И что же он помнит?

— Степь, — Бонифаций приподнял голову, и в его глазах загорелся далекий, древний огонь. — Когда она была другой. Когда по ней бегали не лошади. А те, кто был раньше. Те, кто мог летать, как птицы, и дышать, как драконы.

— Кто раньше?

Кот посмотрел на нее долгим, испытующим взглядом. В его янтарных глазах отражался лунный свет, и он казался не просто котом, а чем-то гораздо большим, чем старый друг, чем фамилляр. Он казался стражем, поставленным у врат в иной мир.

— Ты слишком много вопросов задаешь перед сном, Стеша. Иди спать. Завтра я все расскажу. А может, и не я.

— Кто?

— Буц. Или твоя мать. Или сама степь. — Он снова положил голову на лапы, и его голос стал тихим, как шепот. — У нее есть голос, Стеша. Ты просто не слышишь его. Пока.

Стеша вздохнула, повернулась на бок и закрыла глаза. За окном стрекотали сверчки. Где-то в стойле переступал копытами Буц. В доме, в соседней комнате, тихо дышала во сне Лиля.

А мама — Лариса — все еще не спала. Стеша слышала ее шаги на кухне, звяканье чугунок, тихое пение. Старую песню, которую она напевала каждый вечер, когда ее руки были заняты делом. И в этой песне — тягучей, как степной ветер,

как тоска самого мира — пряталось что-то древнее. Что-то, что Стеша слышала с детства, но никогда не понимала. Это была песня о потере, о разлуке, о надежде, которая не умирает.

Она уснула под этот напев, убаюканная голосом матери и дыханием степи. И во сне ей снова приснились золотые, бескрайние луга и женщина в шляпе-мухоморе. Только теперь она стояла ближе.

— Ты близко, — сказала женщина. — Ты почти пришла. Продолжай искать, Степанида. Не останавливайся.

Первый свет над степью

Рассвет пришёл не как обычно — не с первыми лучами солнца, а с дыханием. Стеша проснулась от того, что воздух в комнате изменился. Он стал плотнее, слаще, наполненный запахом росы, мокрой травы и свежего хлеба, который уже стоял в печи. Где-то за окном пели жаворонки — их трели были такими чистыми и звонкими, что, казалось, они пронзали само небо.

Она открыла глаза. Солнце только начинало подниматься

над горизонтом, окрашивая степь в нежные розовые и золотые тона. Трава за окном была покрыта каплями росы, которые сверкали, как тысячи мелких бриллиантов. Где-то вдалеке, у самого горизонта, степь сливалась с небом, и невозможно было понять, где кончается земля и начинается небо.

Бонифация на подушке не было. Стеша села, зевнула, потянулась, чувствуя, как хрустят суставы после долгой дороги. Она накинула лёгкую кофту, натянула джинсы и босиком вышла в коридор.

В доме уже кипела жизнь. Из кухни доносились голоса — Лариса и Лиля о чём-то разговаривали, смеялись. Смех Лили был звонким, как колокольчик, и Стеша почувствовала, как от этого звука внутри разливается тепло.

— Стеша, ты встала? — крикнула Лиля, увидев её. Её голос был полон радости, почти визгливой от нетерпения. — Мама испекла блины! Иди скорей, а то я всё съем!

Стеша улыбнулась и пошла на кухню. Но на пороге она остановилась.

Бонифаций сидел на столе, посреди расстеленной скатерти, и смотрел на Ларису. Не как кот смотрит на человека, а как равный на равного, как существо, которое знает цену

словам и молчанию. А Лариса смотрела на него. Они не говорили. Просто смотрели друг на друга, как два старых воина, которые встретились после долгой разлуки и узнали друг в друге нечто знакомое. Нечто, что лежало за пределами слов.

— Доброе утро, — сказала Стеша, нарушая тишину.

Лариса перевела на неё взгляд, и её лицо снова стало обычным — тёплым, чуть уставшим от бессонной ночи, но приветливым. Она улыбнулась, и морщинки у глаз собрались в лучики.

— Садись, — сказала она, кивая на табуретку. — Блины стынут. И молоко парное, от Зорьки.

И вдруг, глядя на Бонифация, она добавила, и в голосе её послышалась странная, почти металлическая нотка:

— Кот у тебя необычный, Степанида. Очень необычный. Я таких не видела. Даже в молодости, когда по степи ходили те, кого не должно быть.

— Обычный, мам, — соврала Стеша, и ложь обожгла ей горло. — Самый обычный. Просто чёрный. И умный.

Лариса не ответила. Она только налила в глиняную миску

парного молока, поставила её на пол и сказала:

— Ешь, — сказала она, обращаясь к Бонифацию. — Ты, я вижу, устал с дороги. Дальняя дорога отнимает силы.

Кот посмотрел на неё долгим взглядом. В его янтарных глазах мелькнуло что-то — то ли уважение, то ли удивление. Потом он спрыгнул со стола, бесшумно приземлился на пол, подошёл к миске и начал пить. Молоко было тёплым, парным, и он пил его с той же грацией, с какой пьют воду древние звери.

И в этом жесте — простом, человеческом — было что-то важное. Примирение. Или начало чего-то, что только предстояло понять.

Вихрь по имени Лиля

Стеша не успела сделать и глотка чая, как в кухню влетел ураган.

— Стешка! — крик радости разнёсся по всему дому, звонкий, как серебряный колокольчик, и такой же чистый, без единой ноты фальши.

Лиля ворвалась в комнату, как вихрь, и Стеша даже не успела моргнуть, как младшая сестра уже висела у неё на спине, обхватив руками за шею, болтая босыми ногами. Она была лёгкой, как пёрышко, и от неё пахло сеном, росой и детством.

— Приехала! Приехала-приехала-приехала! — голос Лили звенел от счастья.

— Лиля! — Стеша засмеялась, пытаясь удержать равновесие. — Ты меня задушишь! Ты стала тяжелее!

— А я соскучилась! Я так соскучилась, что у меня даже зубы болели!

Девочка ловко прыгнула, как кошка, и оказалась перед ней — растрёпанная, румяная, с двумя чёрными косичками, которые торчали в разные стороны, словно они жили собственной жизнью. На ней была простая хлопковая сорочка, вышитая по подолу мелкими красными цветами, и босые ноги, перепачканные в утренней росе и земле с грядок.

Лиле было четырнадцать, но выглядела она на все десять — маленькая, худенькая, с огромными зелёными глазами, которые сейчас сияли от счастья. Те же зелёные глаза, что и

у отца. Тот самый маркер спящего дара, о котором когда-то шепталась бабушка.

Стеша посмотрела на неё и почувствовала, как внутри разливается тепло, как от горячего чая. Она протянула руку и потрепала сестру по макушке, чувствуя под пальцами шёлк её волос.

— Как ты выросла, — сказала она, и в голосе её послышалась лёгкая грусть. — Ты уже почти взрослая.

— Я не выросла! — Лиля возмущённо надула губы, но в глазах у неё плясали смешинки. — Я всё та же!

— Ты выше на полголовы, чем в прошлый раз. Я вижу.

— Это ты уменьшилась!

— Я не могла уменьшиться.

— Значит, ты усохла! — Лиля хихикнула и, увидев на столе кота, замерла. Её глаза расширились, и она приоткрыла рот. — Ой! А это кто?

Бонифаций сидел на печи, куда его усадила Лариса, и смотрел на девочку с любопытством. Он уже понял: перед

ним существо чистое. Без тени зла, без скрытых мотивов. С искренней, незамутнённой радостью, которую носят только дети и те, кто сумел сохранить в себе детство.

— Это Боня, — сказала Стеша. — Мой кот.

— Кот? — Лиля подошла ближе, заглядывая в янтарные глаза. — Какой красивый! Он похож на маленькую пантеру. Можно его погладить?

— Можно, — ответила Лариса строго, но в голосе её слышалась лёгкая усмешка. — Только аккуратно. Он не простой. Сам видишь.

Стеша удивлённо посмотрела на мать. Та отвела взгляд, сделав вид, что занята мытьём посуды, но её руки слегка дрожали.

Лиля уже протянула руку и осторожно, как к чему-то бесценному, коснулась чёрной головы. Бонифаций не дёрнулся. Он прищурился, словно оценивая её, и... начал мурлыкать. Глубоко, утробно, как старый мотор.

— Слышишь? — восхитилась Лиля. — Он мурлыкает! Он меня любит! Он сразу меня полюбил, я знала!

— Он всех любит, — усмехнулась Стеша. — Он добрый. Просто у него такой вид, как будто он вот-вот съест тебя.

— Он мой! — Лиля подхватила кота на руки и прижала к груди, как плюшевую игрушку. — Я его не отдам! Он будет жить у нас!

— Лиля, — Лариса обернулась, строго приподняв одну бровь. — За столом не играть. И не тискать кота. Он гость. И он устал.

— Я не играю! Я знакомлюсь! Это важное дело — знакомство!

Девочка ещё крепче прижала Бонифация к себе, и кот, к удивлению Стеши, не сопротивлялся. Он только вздохнул с выражением древней мудрости, как будто говорил: «Я знал, что этот день настанет. Это неизбежно, как смена времён года».

— Лиля, отдай кота, — Лариса подошла и мягко, но настойчиво забрала Бонифация из рук дочери. Её пальцы были тёплыми и сильными. — Ему нужно отдохнуть с дороги. Иди, умойся и садись за стол. Блины остынут.

Девочка надулась, но спорить не стала. Она только броси-

ла на кота прощальный взгляд, полный обожания, и добавила шёпотом:

— Я тебя ещё найду. Ты будешь моим другом. Я чувствую.

Бонифаций фыркнул, но в его янтарных глазах мелькнула искра — то ли одобрения, то ли смеха. Или древней, бесконечной мудрости.

Деревенская жизнь

Через час Стеша уже была в другой одежде. Джинсы и городская кофта остались в комнате. На ней теперь была простая льняная рубаша, заправленная в широкие штаны, и старые сапоги, которые она носила в деревне с детства. Сапоги были разношены, мягкие, и в них она чувствовала себя увереннее.

Она чувствовала себя иначе. Свободнее. Как будто сбрасывала с себя городскую кожу, как змея сбрасывает старую чешую, и становилась собой настоящей, той, которую знала только эта земля.

— Идём, — сказала она Бонифацию, который сидел на

крыльце и грелся на утреннем солнце, жмурясь от удовольствия. — Я должна осмотреть скот.

— Скот, — повторил кот с лёгким удивлением, приоткрывая один глаз. — Ты ветеринар. Ты лечишь коров? Это серьёзная работа.

— И коз. И овец. И Буца, — Стеша улыбнулась, чувствуя, как от предвкушения работы внутри разливается спокойствие. — Ты не представляешь, как я люблю эту работу. Животные не врут. Если им плохо — они показывают. Если хорошо — тоже. В них нет той лжи, которая есть у людей.

Она направилась к хлеву, и Бонифаций побежал за ней, пружинистой, лёгкой походкой, которая была бесшумной, как у тени. Хлев был старым, добротным, из толстого тёмного дерева, которое хранило тепло даже в самые холодные ночи. Пахло сеном, навозом и молоком — густым, сладковатым, парным. И в этом запахе было что-то успокаивающее, как в колыбельной, которую поют в детстве.

Первым их встретил Буц.

Он стоял в отдельном стойле, повернув голову, и смот-

рел на вошедших огромными тёмными глазами. Его чёрная шерсть блестела на солнце, которое пробивалось сквозь щели в крыше, грива вилась тяжёлыми прядями, а ноздри вздрагивали, втягивая знакомый запах. Он узнал её сразу — по шагам, по дыханию, по тому, как пахла её одежда.

— Буц, — Стеша подошла к нему и положила руку на морду, чувствуя под ладонью его тёплую, бархатистую кожу. — Как ты себя чувствуешь? Скучал?

Конь фыркнул, коснулся её ладони тёплыми, мягкими губами и слегка качнул головой. Его глаза смотрели на неё с той древней мудростью, которая не поддаётся словам.

— Как всегда, — усмехнулась Стеша. — Красивый и гордый. Ты не меняешься, Буц. Ты как эта степь — вечный.

Она начала осматривать его: копыта, ноги, спину, шерсть. Всё было в порядке. Буц стоял смирно, иногда переступая с ноги на ногу, и казалось, что он даже гордится тем, что его осматривают первой. Он поднимал голову чуть выше, раздувал ноздри, как будто говорил: «Посмотри на меня, я лучший».

— Ты самый важный здесь, да? — спросила Стеша, почесывая его за ухом, где он любил больше всего. — Самый

красивый. Самый умный. Самый быстрый.

Буц кивнул. По-человечески. Медленно и важно, как старый король, который принимает дань уважения.

Стеша засмеялась, и смех её прозвучал в тишине хлева, как музыка.

— Коровы из-за этого иногда смеются над тобой, — сказала она шёпотом. — Правда, про себя. Они думают, что ты слишком важный.

Буц фыркнул и отвернулся, делая вид, что ему всё равно. Но Стеша видела, как его уши слегка дёрнулись. Он слышал. И ему было не всё равно.

Бонифаций сидел в углу, на охапке сена, и наблюдал. Он смотрел не на Буца — на коров. На тех, что стояли в соседних стойлах. Они жевали жвачку, лениво переступали с ноги на ногу, но в их глазах было что-то... странное. Что-то, что заставило его шерсть встать дыбом.

— Стеша, — позвал он тихо, и голос его был напряжённым.

— Ммм?

— Посмотри на них. На их глаза.

Стеша обернулась. Коровы смотрели на неё. Все. Восемь пар глаз, больших, влажных, тёмных. И в каждом взгляде было что-то, что она не могла объяснить. Не страх. Не любопытство. Понимание. Как будто они знали больше, чем говорили. Как будто они хранили в себе память о том, что случилось до них.

Стеша подошла к первой корове, протянула руку и коснулась её тёплого бока. Шерсть была мягкой, чуть влажной от утренней росы. И в тот момент, когда её пальцы коснулись кожи, она почувствовала это. Глубокая, древняя вибрация. Как будто земля под ногами дышала. И её дыхание проходило сквозь животных, сквозь стены, сквозь всё вокруг. Это была не просто магия — это была память самой земли, которая жила в каждом живом существе.

— Что это? — прошептала она, и голос её дрогнул.

Бонифаций подошёл к ней и сел рядом, его тёплый бок коснулся её ноги.

— Это магия, — сказал он. — Та, что живёт в земле. В степи. В корнях этого дома. Твоя мать чувствует её. И жи-

вотные чувствуют. И ты тоже, Стеша. Ты просто не знала, как это называется.

Стеша опустила руку. Сердце её колотилось, но в груди разливался странный покой.

— Я не хочу магии, — сказала она, и голос её был твёрдым. — Я просто хочу помогать животным. Это моя работа. Это моё призвание.

— Ты помогаешь, — ответил кот, и в его голосе послышалась улыбка. — Твоя магия помогает. Ты просто ещё не знаешь, как это работает. Ты лечишь не руками, а душой. Так делала Ведана.

Он зевнул, показав розовый язык, и вышел из хлева на солнце, оставляя Стешу стоять среди коров, которые смотрели на неё с древним, немым пониманием. И ей казалось, что они вот-вот заговорят. Но они молчали. Пока.

Вечерний чай

Вечер встретил их лёгкой грозой. Она пришла неожиданно, как часто приходит в степи, когда небо, ещё минуту назад

ясное, вдруг темнеет, наливается свинцом, и ветер приносит запах влажной земли и далёкой свежести. Сначала ветер, потом первые капли, тяжёлые, как монеты, упали на пыльную дорогу, оставляя тёмные круги.

Стеша сидела на крыльце, когда дождь начался. Бонифаций устроился у её ног, наблюдая, как капли барабанят по листьям старого клёна, и как Буц недовольно фыркает в стойле, чувствуя приближение непогоды.

— Идём в дом, — сказала Стеша, поднимаясь. — Мама, наверное, уже чай поставила. Она всегда ставит чай, когда начинается дождь. Говорит, что это успокаивает.

Они вошли в дом, и сразу же их встретил запах. Тёплый, густой, домашний — от него хотелось закрыть глаза и улыбнуться. Пахло рагу с картошкой, которое томилось в печи, свежей выпечкой и чем-то сладким, что уже доходило в русской печи, которая занимала полстены.

Самовар

На столе, в самом центре, стоял самовар. Старый, медный, пузатый, с потускневшими боками, в которых, как в старых

зеркалах, отражался свет керосиновой лампы. Он тихо шумел, выпуская струйки пара, и казалось, что он дышит, как живое существо. Медные бока его были покрыты тонким узором — листьями и цветами, которые, если долго смотреть, начинали двигаться.

— Это бабушкин, — сказала Лариса, ставя рядом три глиняные чашки и одно блюдо. — Ещё Ведана его привезла. Говорят, из самого Петербурга. Он помнит многое.

Стеша замерла. Имя Веданы прозвучало в тишине как колокольный звон.

— Ведана? — переспросила она, чувствуя, как внутри шевельнулось что-то странное. — Ты знала её?

Лариса помедлила. Её руки на мгновение замерли над чашкой, и Стеша заметила, как они слегка дрогнули. Потом она взяла полотенце и вытерла их, медленно, словно собираясь с мыслями.

— Знать не знала, — сказала она тихо, и в голосе её слышалась далёкая печаль. — Но слышала о ней. Много. От твоего деда. От моей матери. Она была... другой. Не как мы.

Она не добавила больше ничего, и Стеша не стала наста-

ивать. Она знала мать: если Лариса не хочет говорить, лучше не давить. Правда придёт сама, когда будет готова.

На столе уже стояли тарелки. Рагу — густое, с крупными кусками мяса и моркови, от которого поднимался пар и пахло тимьяном и лавровым листом. Пирожки с малиной — румяные, с хрустящей корочкой, посыпанные сахарной пудрой, которая таяла на языке. И пряники. Домашние, с медовым вкусом и странным рисунком сверху — похожим на ветви или корни, которые, казалось, тянулись друг к другу.

— Садись, — Лариса кивнула Стеше на кресло-качалку у окна. — Ты сегодня устала. Дорога — это всегда испытание.

Стеша опустилась в старое кресло. Она сидела в нём с детства. Деревянные подлокотники были отполированы до блеска, обивка вытерлась, но качалка всё ещё работала — мягко, чуть скрипя, убаюкивая, как в колыбели. Она чувствовала, как тепло разливается по телу, снимая усталость.

Лариса накинула на плечи вязаную шаль — серую, с крупными узорами, похожими на северное сияние, и села за стол. Лиля уже сидела на скамье, болтая ногами и с нетерпением поглядывая на пирожки. Её глаза горели от предвкушения.

— Ну что, — Лариса разлила чай по чашкам. Тёмный,

крепкий, с лёгким запахом трав и мёда. — Собрались все. Хорошо.

Тишина за столом

За окном дождь всё ещё моросил, рисуя на стекле мокрые узоры, и ветер играл с ветвями клёна. Стеша качнулась в кресле, прижимая к себе горячую чашку. Внутри разливалось спокойствие, как от старого, доброго сна.

— Хорошо-то как, — сказала Лариса, отпивая чай, и в голосе её послышалась умиротворённость.

— Хорошо, — повторила Лиля, не отрываясь от пирожка. Она уже успела вымазаться малиновым вареньем, но никто не сделал ей замечания. В этом доме варенье не было преступлением.

Стеша смотрела на мать, на сестру, на Бонифация, который свернулся клубком на старой лежанке у печи, и чувствовала, как внутри разливается покой. Такой простой. Такой человеческий. Она пила чай, и вкус его был необычным — с мятой, липовым цветом и ещё чем-то, что она не могла определить. Тёплым и терпким, как сама степь за окном.

За окном сверкнула молния. Совсем близко, на горизонте. И почти сразу — гром. Глухой, далёкий, как будто сама земля вздохнула и перевернулась на другой бок.

— Гроза уходит, — сказала Лариса, прислушиваясь. — Завтра будет ясно. В степи всегда так: после дождя — солнце.

— А мы пойдём завтра в лес? — спросила Лиля, отодвигая пустую тарелку. — За ягодами? За грибами? Дедушка говорил, что в этом году много маслят.

— Может быть, — Лариса улыбнулась, и морщинки у глаз собрались в тёплые лучики. — Если ты поможешь мне с утра по дому. Надо прибраться, воды принести.

— Помогу! — Лиля подскочила, как на пружине. — Честно-престно! Я даже полы вымою!

Стеша улыбнулась и допила чай. Она поставила чашку на блюдце и посмотрела на Бонифация. Кот приоткрыл один глаз и посмотрел на неё. В его взгляде было что-то странное — одобрение? Или обещание? Он беззвучно шевельнул губами, и она поняла:

— Отдыхай, — сказал он одними губами, не издавая звука. — Завтра будет новый день. И он будет трудным.

Стеша кивнула и снова откинулась в кресле. Дождь стихал. Сверчки за окном начинали свою ночную песню, и ветер стихал, уступая место тишине. И в доме, среди тепла и уюта, она чувствовала себя в безопасности. Но она знала: это только затишье перед бурей.

Где-то там, в степи, ждал огненный конь. Где-то в прошлом спала древняя магия рода Симар. И её собственная сила — та, что лечила козу и пугала её саму — только начинала просыпаться, как семя, которое проросло через толщу земли.

Завтра. Завтра она начнёт искать ответы. А пока — чай, пряники, мама и сестра рядом. И кот, который мурлыкал у печи, охраняя её сон своей древней, безмолвной магией.

Пыточная камера

В Изнанке было не всё так хорошо.

Там, где фиолетовая луна никогда не заходила, а воздух

пах озоном и древней горечью, в подземельях родового поместья Симар, стояла тишина. Тяжёлая, липкая, как застывшая смола, которая просачивалась сквозь камни и впитывалась в кости. Из неё вырывались только звуки — мерные, ритмичные, как удары метронома. И каждый из них сопровождался глухим стоном.

Свист. Удар. Вскрик.

Свист. Удар. Скрежет зубов.

Артель висел на цепях. Его руки были подняты над головой, прикованы к потолку массивными железными кольцами, а ноги едва касались каменного пола, вымощенного мраморными плитами, которые навсегда впитали в себя боль. Рубашка, когда-то белая, теперь превратилась в лохмотья, пропитанные кровью и потом, прилипшие к израненной спине. Тёмные волосы слиплись, закрывали глаза, но сквозь пряди виднелись зелёные зрачки — такие же, как у отца, но без холода.

В них была боль. И ярость. И что-то ещё, что Равтель не мог сломать. Упрямство. Или надежда.

— Ты упустил их, — Равтель стоял напротив, в идеальном чёрном фраке, без единой складки, без капли пота на лице.

Он был безупречен в своей жестокости, как статуя, вырезанная из льда.

Кнут в его руке был не простым — плетёным из чёрной кожи с вплетёнными серебряными нитями, которые светились слабым зелёным светом. Это была магическая плеть, выкованная в кузницах Изнанки, и каждый её удар оставлял не просто рану. Он оставлял память о боли. Магическую, глубокую, которая впивалась в плоть и не отпускала, пульсируя в каждой клетке, в каждом нерве.

— Ты никчёмная скотина, — продолжил он, занося кнут для нового удара. Его голос был ровным, почти спокойным, и от этого спокойствия становилось ещё страшнее. — Слабый, бесполезный, как и твоя мать. Она тоже думала, что может перечить мне. И где она теперь?

Цепи звякнули. Артель дёрнулся, но не от удара — от слов. Его губы сжались, зубы скрипнули до крови, и он почувствовал, как металлический вкус разливается по языку.

— Не... трогай... мать, — выдавил он сквозь стиснутые челюсти, и голос его был хриплым, как будто он не пил несколько дней.

Равтель усмехнулся. Холодно, безжалостно, как человек,

который давно забыл, что такое любовь. В его глазах мелькнула искра — не тепла, а презрения.

— Твоя мать была слаба, — сказал он, подходя ближе, и его шаги эхом отдавались в пустом помещении. — Она не умела защищать себя. Не умела защищать тебя. Она думала, что сможет спасти тебя своей любовью. И ты такой же. Слабый. Жалкий. Сентиментальный.

Он ударил снова — на этот раз по спине, где кожа уже была разорвана в клочья. Артель закричал. Негромко, сорвanno, но не вырвался. Он молчал. Всегда молчал, когда отец бил. Потому что знал: если закричит громко, Равтель будет бить дольше. А если заплачет — то до смерти.

Ласет

В углу камеры, в самой глубокой тени, лежал змей. Маленький, почти незаметный, он свернулся в клубок, и его чёрная чешуя сливалась с мраком. Только глаза горели — два зелёных огонька, которые смотрели на хозяина с такой тоской, что казалось, он вот-вот заплачет.

Ласет не мог помочь. Он пытался, когда Равтель впервые

пришёл сюда. Он бросился на него, шипел, кусался, обвинялся вокруг его ног, пытаясь замедлить его, остановить. Но сила главы рода была слишком велика. Равтель отшвырнул его, как муху, и запер в магической клетке, которая теперь стояла в углу. Невидимая, но твёрдая, как камень. Сделанная из чистого, концентрированного холода.

Ласет бился о её стены, пока не разбил голову, оставляя на прозрачной поверхности следы крови. А потом — лёг и ждал. Он ждал, когда Артель выйдет. Или когда упадёт. Или когда Равтель устанет и уйдёт. Но пока он только смотрел, как его хозяин умирает заживо, и в его змеином сердце разгоралась ненависть, холодная и чистая, как лёд.

Гнев Равтеля

— Где они? — Равтель наклонился к лицу сына, и его голос стал шёпотом. Тёплое, влажное дыхание коснулось щеки Артеля, и он почувствовал отвращение. — Где девка и кот? Где они прячутся? Говори, и я, может быть, оставлю тебя в живых.

Артель молчал. Он знал, что отец не узнает. Что он скорее умрёт, чем расскажет про Заозёрье, про мать Стеши, про тот

маленький дом в степи, где пахло пирогами и травой. Он не знал, зачем защищает их. Может быть, потому что Стеша не предала. Может быть, потому что в ней было что-то чистое, чего он никогда не видел в своём роду. Или потому что она была его кровью. И он не хотел, чтобы эта кровь пролилась.

— Молчишь, — Равтель выпрямился и отбросил кнут в сторону. Он звякнул о каменный пол, и звук разнёсся по камере. — Хорошо. Я найду их сам. Без тебя. Ты мне больше не нужен.

Он повернулся и направился к двери, но на пороге остановился. Его фигура, высокая и тёмная, заслонила свет, идущий из коридора.

— Ты умрёшь здесь, Артель, — сказал он, не оборачиваясь. — И никто не придёт тебя спасти. Твоя мать не придёт. Твои друзья не придут. Потому что у тебя нет друзей. Ты один. Всегда был один. Ты просто не хотел этого признавать.

Дверь захлопнулась. Тяжело, глухо, как крышка гроба. И снова — тишина.

Тишина

Артель остался один. Только Ласет в углу, только его собственное дыхание, только капли крови, падающие на каменный пол, отбивающие секунды. Он медленно поднял голову. Зелёные глаза горели в темноте — не как у отца, холодно и пусто, а как у Стеши. Как у той девушки, которая бросала бутылки и лечила животных. Как у Лили, которая не знала своей силы. Как у Веданы, которая ушла в человеческий мир, чтобы спасти себя и своего ребёнка.

— Я не один, — прошептал он, и голос его был твёрдым, как сталь. — Я не один, отец. Ты ошибаешься.

Он сжал кулаки, насколько позволяли цепи, и почувствовал, как магия внутри него — чистая, тёмная, неискажённая — начала пульсировать. Слабо. Едва заметно, как сердцебиение в глубине земли. Но она была. Она ждала.

— Ласет, — позвал он. — Ты слышишь меня?

Змей поднял голову. Его глаза блеснули, как два изумруда.

— Да, господин. Я здесь. Я с тобой.

— Я выйду отсюда, — сказал Артель, и голос его звучал твёрже, чем он сам ожидал. — Я найду их. И я остановлю отца. Это ещё не конец.

Он не знал, как. Не знал, когда. Но он знал одно — он не сдастся. Не здесь. Не сейчас.

Цепи звякнули, когда он дёрнулся, пытаясь освободить руки. Боль пронзила тело, и он зажмурился, чувствуя, как сознание плывёт. Но в голове уже зрела мысль. Опасная, безумная, но единственно возможная. Ему нужно было бежать. И он сбежит. Даже если это будет его последним шагом.

А в Заозёрье, за тысячу километров от этой камеры, Стеша допивала чай и не знала, что на другом конце мира её троюродный брат умирает за то, чтобы защитить её. Она только чувствовала странное беспокойство. Лёгкое, как ветер, который коснулся её лица в открытое окно. И на мгновение она замерла, прислушиваясь.

— Что-то случилось? — спросила Лариса, заметив её лицо.

— Нет, — Стеша покачала головой. — Всё хорошо. Просто... показалось.

Но она не была уверена. За окном степь молчала. А в Изнанке фиолетовая луна светила на каменный пол, залитый кровью.

Тени прошлого

В замке Симар было холодно. Не той холодностью, что исходит от камня или сквозняков — другой. Древней. Она просачивалась сквозь стены, сквозь мраморные полы, сквозь самую ткань реальности, которая здесь, в Изнанке, была тоньше, чем в человеческом мире. Здесь время текло иначе, и прошлое не уходило — оно оставалось, дышало, жило своей собственной жизнью.

Тени ходили по коридорам. Они скользили бесшумно, почти невесомо, касаясь стен длинными пальцами, оставляя на них влажные следы, похожие на росу. Это были тени прошлых жертв. Тех, кто когда-то жил в этом замке, кто заключал договоры, кто предавал и был предан. Их лица были стёрты временем, превращены в пустоту. Только очертания — сгорбленные спины, протянутые руки, головы, опущен-

ные в вечной мольбе.

Они не говорили. Они только шептали. Их шёпот был похож на шуршание сухих листьев, на скрип старого дерева, на голоса, которые слышат только те, кто готов слушать. Он проникал в уши, в самую глубину сознания, оставляя там следы невысказанных слов.

— Сила... больше силы... — шептали они. — Кровь... мы хотим крови... мы хотим платы за то, что было отнято...

Одна тень была безликой. Она не походила на остальных. Она не скользила, а плыла, оставляя за собой чёрный шлейф, который не рассеивался, а впитывался в стены, как чернила в бумагу. Она была жадна и опасна — чувствовалось в каждом её движении, в каждом тягучем вздохе. Она подползла к двери кабинета Равтеля и просочилась сквозь щель, как дым, как жидкая тьма.

Кабинет главы рода

Равтель сидел в своём кресле. Высоком, с тёмной резной спинкой, похожей на переплетённые драконьи хвосты, вырезанные из чёрного дуба. Перед ним стоял стол из того же де-

рева, заваленный свитками, картами и старыми книгами в кожаных переплётках, которые хранили память веков.

В правой руке он держал кубок. Золотой, тяжёлый, с чернением, инкрустированный рубинами — такой же, в который он выплёскивал свой гнев, когда слуги приносили плохие вести. Сейчас кубок был наполнен до краёв тёмной, густой жидкостью, похожей на вино, но это было не вино. Это была кровь. Кровь тех, кто осмелился перечить ему. Кровь магов, чьи тела теперь лежали в подземельях, а сила текла по его венам, делая его старше, сильнее, опаснее.

Равтель поднёс кубок к губам, сделал глоток и закрыл глаза. Он чувствовал, как чужая сила вливается в него, как она заполняет пустоты, которые оставила угасающая драконья кровь. Как она сжигает его изнутри, делая его одновременно более могущественным и более пустым. Но этого было мало. Всегда мало.

Он открыл глаза и уставился на гобелен, висевший на стене напротив.

Рыцарь на чёрном драконе

Гобелен был древним. Вытканый из чёрного и золотого шёлка, с вплетёнными серебряными нитями, которые тускло мерцали в свете свечей, он изображал всадника. Рыцаря в тяжёлых доспехах, с поднятым мечом, который сидел верхом на чёрном драконе. Чешуя дракона была такой тёмной, что почти сливалась с фоном, но её очертания угадывались — огромные крылья, изогнутая шея, горящие глаза, в которых, казалось, горел сам огонь мироздания.

Это был Симар. Чёрный дракон, который когда-то заключил договор с родом. Тот, кто дал им силу, а потом — проклял, когда они предали его доверие. Рыцарь на его спине был почти незаметен — маленькая фигурка, но в ней чувствовалась власть. Он держал поводья, и дракон слушался его. Он поднимал меч, и тени склонялись перед ним. Это был предок. Первый глава рода. Тот, кто не боялся взять силу, даже если она стоила крови его собственных детей.

— Я тоже стану владыкой дракона, — прошептал Равтель, глядя на гобелен. Его голос звучал тихо, но в нём была сталь. — Я восстановлю род. Я верну нам величие. И тогда никто не посмеет перечить мне. Ни тени. Ни враги. Ни мой жалкий, никчёмный сын.

Он сделал ещё глоток и откинулся в кресле, чувствуя, как тёплая волна силы разливается по телу.

Шёпот безликой

Безликая тень приблизилась к нему. Она не касалась пола — парила над ним, дрожа, как марево над раскалённой землёй. Её очертания были расплывчатыми, но в них угадывалась женская фигура — тонкая, с длинными пальцами и пустыми глазницами, в которых клубился мрак.

Равтель не вздрогнул. Он привык к теням. Они жили в его замке дольше, чем он сам. Они были частью его власти, его силы. И его проклятия.

— Ты хочешь силу, — прошептала тень. Её голос был похож на скрежет камня, на трение костей друг о друга. — Больше силы. Ты вечно голоден, Равтель.

— Да, — ответил Равтель, не глядя на неё. — Я хочу столько силы, сколько смогу удержать. И больше.

— Девушка, — прошептала тень, и в её голосе послышалось странное удовлетворение. — Светлая кровь. Она — ключ. И кот. Древний дух. Он старше, чем ты думаешь. Он хранит тайну, которую забыли все.

— Я знаю, — Равтель сжал кубок так, что пальцы побелели, а по золоту пошли трещины. — Я найду их. Я заберу их силу. И тогда никто не встанет на моём пути.

Тень засмеялась. Тихо, скрипуче, как ржавый механизм, который давно не смазывали.

— Ты не справишься, — прошептала она, приближаясь. — Ты слаб. Твоя кровь угасает, как огонь в мокрой траве. Твоя магия искажена, как кривое зеркало. Ты — только тень того, кем был твой предок. Ты — пародия на величие.

Равтель резко встал. Кубок упал на стол, расплескивая тёмную жидкость, и покатился по дубовой столешнице, оставляя кровавый след.

— Я не слаб, — сказал он, и голос его дрожал от ярости. — Я сильнее, чем был. И стану сильнее. Я найду девуку. Я найду кота. И если мой сын встанет у меня на пути — я убью его. Собственными руками. И заберу его силу, как забрал силу его матери.

Тень замерла. Её очертания дрогнули, и она начала таять, возвращаясь в стены, в пол, в туман Изнанки.

— Убей, — прошептала она на прощание, и голос её был как предсмертный вздох. — Убей всех. И тогда ты станешь владыкой. Но помни: цена будет высокой. Как всегда.

Она исчезла. Равтель остался один. Он стоял посреди кабинета, тяжело дыша, и смотрел на гобелен.

— Я стану владыкой дракона, — повторил он, и голос его был клятвой. — Я верну наш род к величию. Клянусь кровью Симар.

За окном фиолетовая луна светила на замок, на тени, на камеру, где висел на цепях его сын. И на степь за тысячи километров отсюда, где в маленьком доме спала девушка с голубыми глазами, которая даже не подозревала, что уже стала мишенью.

Ночь в Заозёрье

А в Заозёрье всё было тихо. Стеша уже спала, укрытая тяжёлым одеялом, и её дыхание было ровным и спокойным. Рядом, свернувшись клубком, лежал Бонифаций, и его мурлыканье звучало как тихая колыбельная, проникающая в самые глубины сна.

За окном степь дышала. Где-то в стойле фыркал Буц, охраняя границу между мирами. В хлеву переступали коровы, и их дыхание смешивалось с запахом сена и земли. Белянка лежала на свежем сене и, впервые за долгое время, не чувствовала боли — Стешина магия залечила её раны, оставив только лёгкое тепло в костях.

Лариса сидела на крыльце, накинув шаль, и смотрела на звёзды. Фиолетовые, как в Изнанке, они мерцали над степью, и казалось, что они знают все тайны мира. Она чувствовала приближение чего-то, что не могла назвать словами. Древняя тревога, которая жила в крови, передавалась от матери к дочери, проснулась в ней.

Она знала. Чувствовала. Что-то надвигалось. Но она не могла сказать дочерям. Не сейчас. Не этой ночью. Она только вздохнула, перекрестилась и прошептала:

— Господи, сохрани их. Сохрани всех нас.

И пошла в дом, закрывая за собой дверь. А фиолетовая луна светила над двумя мирами. Над теми, кто спал. И над теми, кто не мог уснуть.

Тёплая рука во тьме

Артель потерял счёт времени. Боль стала привычной, почти родной. Она пульсировала в каждой клетке, в каждом вздохе, в каждом ударе сердца, превращая его тело в сплошной живой нерв. Цепи впились в запястья, кожа под ними была стёрта до мяса, но он уже почти не чувствовал этого. Он висел в темноте, опустив голову, и слушал, как капает кровь на каменный пол.

Кап.

Кап.

Кап.

И вдруг — что-то изменилось. Тёплая, влажная тряпка коснулась его спины. Осторожно, почти невесомо, она провела по израненной коже, смывая засохшую кровь, убирая грязь. Прикосновение было мягким, как материнская рука, и от него по телу разлилось странное тепло.

Артель вздрогнул. Он попытался поднять голову, но шея онемела, мышцы отказывались слушаться. Он слышал толь-

ко тихое дыхание — мягкое, ровное, как ветер в траве.

— Тихо, — раздался голос. Женский. Тёплый, как летнее утро, как первая капля росы на лепестке. — Не двигайся. Я здесь. Я не сделаю тебе больно.

Артель приоткрыл глаза.

Лисим

Перед ним стояла девушка. Она была почти прозрачной — как сон, как воспоминание, которое вот-вот исчезнет, растворится в утреннем свете. Её волосы струились по плечам, светлые, цвета топлёного молока, с золотистым отливом в свете тусклой лампы. Глаза — мягкого фиалкового оттенка, глубокие и грустные — смотрели на него с такой любовью, что сердце сжалось.

На ней было простое светлое платье, до щиколоток, с вышивкой по подолу, и на плече, как живая брошь, лежала маленькая белая змейка. Совсем крошечная, толщиной в палец, с чешуёй, похожей на жемчуг. Она смотрела на Артеля чёрными бусинками глаз и тихо шипела, как будто говорила что-то утешительное.

— Кто... ты? — прошептал Артель, и голос его сорвался, превратившись в хрип.

Девушка не ответила. Она продолжала промывать его раны, и каждое её прикосновение было как благословение. Боль уходила, уступая место странному покою, как будто он проваливался в тёплую воду.

— Ты не помнишь меня, — сказала она наконец, и в голосе её послышалась лёгкая, вековая печаль. — Я — память. То, что осталось от твоей матери.

Артель замер. Его сердце пропустило удар.

— Мама? — его голос дрогнул, и он почувствовал, как слёзы подступают к глазам. — Ты... ты знала её?

Она кивнула, и в её фиалковых глазах блеснула слеза, прозрачная, как роса.

— Я — Лисим, — тихо сказала она, касаясь его лица холодными, почти невесомыми пальцами. — Её фамильяр. Она отдала мне последнюю частицу своей силы, чтобы я могла найти тебя. Когда придёт время. Когда ты будешь готов.

— Зачем? — выдохнул Артель, и в голосе его послышалась мольба. — Зачем она это сделала?

— Чтобы сказать тебе правду, — Лисим коснулась его лица, и её пальцы, холодные и мягкие, провели по щеке, стирая слезу. — Ты не такой, как твой отец. Ты — продолжение светлой крови. Как и та девушка. Как и её сестра. Вы — одна семья. Вы — наследники Веданы.

Артель хотел спросить ещё, но в этот момент где-то за дверью звякнули ключи, и шаги эхом разнеслись по коридору.

Лисим вздрогнула. Её тело начало таять, растворяться в воздухе, превращаться в белые искры — мелкие, пульсирующие, похожие на светлячков, которые кружились в танце. Змейка на её плече зашипела громче, её чешуя вспыхнула жемчужным светом, и она тоже начала исчезать.

— Я вернусь, — прошептала Лисим, и её голос звучал уже издалека, как эхо в горах. — Когда ты будешь готов. Ищи меня в западных покоях. Там, где холод. Там, где правда. Я буду ждать.

Она растворилась. И в ту же секунду в камеру вошли двое.

Западные покои

— Молодой господин, — раздался глухой, безжизненный голос.

Двое мужчин в чёрных ливреях, с лицами без единой эмоции, без намёка на душу, подошли к Артелю. Они были не людьми — тени в человеческих телах, слуги, созданные магией Равтеля из тьмы и страха. Их движения были точными, механическими, без малейшего намёка на жалость. Они отстегнули цепи, и Артель упал, но его подхватили, поставили на ноги.

Ноги подкашивались, но он держался. Он не мог позволить себе упасть перед ними. Перед отцом.

— Молодого господина и его фамильяра велено перенести в западные покои, — сообщил один из слуг, и голос его был как скрежет металла. — Самые старые и ледяные покои. Глава рода приказал. Там он будет ждать своего часа.

Артель усмехнулся. Слабо, но усмехнулся.

Западные покои. Место, где хранились старые вещи, где

время остановилось, а холод проникал в самые кости. Там было холодно даже летом, там не было каминов, а стены покрывал иней даже в самые тёплые дни.

Отец хотел, чтобы он замёрз. Чтобы сломался. Чтобы тихо угас, как угасают все, кто перечит его воле.

Они повели его по коридору, и Артель чувствовал, как воздух становится холоднее. Как мрамор под ногами покрывается трещинами, а в углах собирается лёд, похожий на зубы древнего чудовища. Когда они вошли в покои, он понял, что отец перестарался.

Стены были покрыты толстым слоем инея, на полу хрустел лёд, а с потолка свисали длинные сосульки, как пальцы мертвецов. В центре комнаты стояла кровать — старая, железная, с тонким матрасом, который, казалось, не давал тепла.

Они посадили его на кровать и вышли. Дверь захлопнулась. И снова — тишина.

Странное исцеление

Артель лежал на холодной кровати и смотрел в потолок, где иней рисовал причудливые узоры, похожие на карты неизвестных миров. Боль ушла. Он не сразу понял это. Только когда попытался пошевелиться — и не услышал привычного хруста в суставах, не почувствовал, как разрывается кожа на спине.

— Как странно, — прошептал один из слуг за дверью, удаляясь. — Его так били, а ран почти нет. Он должен был умереть.

Артель услышал это. Он медленно поднял руку и посмотрел на запястье. Там, где должно было быть открытое мясо, осталась только бледная линия. Розовая, почти зажившая, как будто прошло не несколько часов, а несколько недель.

— Что за... — прошептал он.

Он сел, чувствуя, как одежда, пропитанная кровью, отходит от кожи. Спина тоже была почти целой. Раны затянулись, оставив лишь тонкие шрамы, похожие на паутину, на серебряные нити, вплетённые в кожу.

Артель смотрел на свои руки и не верил. Он провёл пальцами по шрамам, и они были тёплыми, живыми.

— Лисим, — прошептал он. — Это ты?

Он знал, что она не ответит. Но внутри, глубоко-глубоко, он чувствовал её присутствие. Тёплое, светлое, как далёкая звезда. Маленькая белая змейка. Фамильяр его матери. Она была здесь. Где-то в этих стенах. Она ждала его.

Артель закрыл глаза и прислушался. Холод пронизывал его до костей, но внутри, где-то в груди, горела маленькая искра. Тёплая. Светлая. Словно обещание, данное много лет назад.

— Я найду тебя, — прошептал он. — И найду их. Я не сдамся, мама. Я сделаю то, что ты не смогла.

Он лёг на кровать, накрылся тонким одеялом, которое почти не грело, и закрыл глаза. Где-то в стенах шептались тени. Где-то в степи спала его родственница. Где-то в этом замке пряталась память о матери. И он будет ждать.

И когда придёт время — он встанет.

Клетка из чёрного железа

В углу западных покоев, в самой глубокой тени, где даже лунный свет не мог проникнуть сквозь толщу векового мрака, стояла клетка. Она была сделана из чёрного железа — тяжёлого, холодного, с прутьями, которые, казалось, впитывали свет, превращая его в ничто. Каждый прут был покрыт тонкой вязью рун, которые тускло мерцали багровым светом, как запёкшаяся кровь. Эти руны были выкованы не для красоты — они питались страхом, черпали силу из отчаяния пленника.

Внутри, свернувшись клубком на голом каменном полу, лежал Ласет. Его чёрная чешуя, когда-то блестящая, как полированный обсидиан, теперь потускнела, покрылась мелкими царапинами и ссадинами. Он не поднял головы, когда Артель подошёл. Только тихо, едва слышно зашипел, и в этом звуке было столько тоски, что сердце Артеля сжалось.

— Ласет, — Артель опустился на колени перед клеткой, и холод камня проник сквозь тонкую ткань его одежды. — Я здесь. Я не забыл тебя.

Он провёл пальцами по замку — старому, кованому, с хитрым механизмом, который щёлкал и поворачивался, как живое существо. Но он знал, как открыть его. Он видел, как отец делает это много раз, с лёгкостью, которая граничила с презрением. Секрет был в последовательности: три поворота

влево, два вправо, и нажать на голову дракона, выкованную на дужке.

Щелчок. Дверца открылась.

Ласет медленно поднял голову. Его глаза — зелёные, как у хозяина, как изумруды, в которых отражалась сама жизнь — блеснули в темноте. Чешуя была в царапинах, кое-где сбита, но в целом он был цел. Он выполз из клетки, оставляя за собой тонкий, блестящий след, и обвился вокруг руки Артеля, пряча голову в сгибе локтя.

— Бедный мой, — прошептал Артель, протягивая руку и касаясь прохладной головы змея. Его пальцы дрожали от слабости, но в прикосновении была вся его любовь. — Тебе опять досталось. Он не должен был трогать тебя. Это моя вина.

— Хозяин, — голос Ласета был слабым, как шёпот умирающего ветра, но в нём слышалась тревога, которая пробивалась сквозь усталость. — Надо бежать. Мы так умрём. Я чувствую его гнев — он как огонь, который сжигает всё на своём пути. Он не остановится.

Артель посмотрел на него. На этого змея, который был с ним с детства, с тех пор, как мать ушла, оставив ему един-

ственного друга. Который защищал его, когда отец бил, бросаясь между ними, принимая удары на себя. Который лежал рядом и согревал в самые холодные ночи, когда в замке выли ветры и тени шептали о смерти.

Он знал, что Ласет прав.

— Я знаю, — сказал он тихо, и голос его был твёрже, чем он чувствовал себя. — Я ищу способ. Дай мне время.

Ласет поднял голову, и его раздвоенный язык коснулся щеки Артеля, словно поцелуй.

— Там, — прошептал он, указывая кончиком хвоста в угол комнаты. — Что-то изменилось. Я чувствую. Как будто стена стала тоньше.

Зеркало

В углу комнаты, заваленное старыми вещами, стояло зеркало. Оно было высоким, почти в рост человека, в тяжёлой деревянной раме с потускневшей позолотой, которая когда-то сияла, но теперь покрылась тёмным налётом времени. Чёрный бархат закрывал его поверхность, плотно, как саван,

и казалось, что он лежал там не один год, а целую вечность. Пыль толстым слоем покрывала ткань, и паутина, как седая борода старика, свисала с углов.

Артель никогда не обращал на него внимания. Оно казалось просто старым хламом, который отец приказал снести сюда и забыть, как забывают всё, что напоминает о прошлом. Но сейчас зеркало... дышало.

Тёплый воздух — мягкий, ласковый, как прикосновение матери — коснулся его лица. Он пах лесом. Сосновой смолой, влажной землёй, грибами и чем-то сладким, как мёд, как давно забытое детство. Этот запах проник в его лёгкие, и он почувствовал, как внутри разливается странное спокойствие.

— Ласет, — прошептал Артель, чувствуя, как сердце забилось быстрее. — Ты чувствуешь?

— Да, хозяин. Там что-то есть. Что-то... живое. И оно зовёт нас.

Артель подошёл к зеркалу. Каждый шаг давался ему с трудом, но он шёл, чувствуя, как бархат манит его, как живое существо. Он протянул руку и коснулся ткани. Она была старой, выцветшей, с грубыми волокнами, но когда его пальцы

скользнули по ней, она словно ожила. Под его пальцами она стала тёплой, как человеческая кожа.

Он отдёрнул руку. Сделал шаг назад. И вдруг бархат начал светиться.

Сначала слабо, едва заметно, как закат за горизонтом, когда небо окрашивается в розовый и золотой. Потом ярче, насыщеннее, как будто внутри зажгли свечу. И, наконец, он загорелся тёплым, золотистым светом, который разливался по комнате, отбрасывая тени на стены, заставляя лёд таять и превращаться в пар.

Артель замер. Под краем бархата было видно стекло. Чистое, прозрачное, без пыли, без царапин — как будто его только что вымыли. И в нём отражался не каменный пол и не ледяные стены западных покоев.

В нём был лес.

Настоящий лес, с высокими деревьями, зелёной травой и солнечным светом, который пробивался сквозь листву, рисуя на земле золотые круги. Где-то вдалеке блестела вода — река или озеро, спокойное и чистое, как зеркало. Птицы пели, и их голоса были такими живыми, что Артель почти слышал их.

— Это... портал, — выдохнул Артель, и в голосе его слышалось изумление. — Он был здесь всё это время. И я не знал.

Путь к свободе

Он не знал, откуда взялось это зеркало. Не знал, кто его создал и зачем. Но он чувствовал — оно звало его. Оно было ключом, который открывал дверь в другую жизнь.

— Ласет, — сказал он, не отводя глаз от стекла. — Это наш выход.

— Но, хозяин, — змей сжался на его руке, и его голос дрогнул. — А если это ловушка? Если отец знает о нём и ждёт нас там?

— Нет, — Артель покачал головой, и в голосе его послышалась уверенность, которой он сам не ожидал. — Отец не стал бы прятать портал в западных покоях. Он не знает о нём. Я чувствую. Это магия другого рода. Более старая. Более светлая.

Он снова протянул руку и коснулся стекла. Пальцы прошли сквозь него, как сквозь воду. Тёплую, густую, пахнущую лесом и свободой. Она обвила его руку, как шёлк, и он почувствовал, как его тянет внутрь.

Артель закрыл глаза. Он вспомнил, как мать пела ему колыбельные тихим, ласковым голосом, когда он был маленьким и не знал страха. Как пахло её волосами — мятой, мёдом и чем-то неуловимым, что было только у неё. Как она говорила, что он особенный. Что в нём есть свет, который не могут погасить даже самые тёмные тени.

— Мама, — прошептал он, и голос его дрогнул. — Если ты слышишь меня — помоги. Я не знаю, куда идти.

Зеркало вспыхнуло ярче. И в его глубине, среди деревьев, он увидел фигуру. Женщину в белом платье, которая стояла на поляне и смотрела на него. Её волосы струились по плечам, светлые, как топлёное молоко. Её глаза были цвета фиалок, глубокие и грустные.

Лисим.

— Иди, — услышал он её голос, который звучал как ветер

в листве. — Я жду тебя. Здесь ты будешь в безопасности. Здесь ты найдёшь то, что ищешь.

Артель сжал кулаки, чувствуя, как силы возвращаются к нему.

— Мы идём, Ласет, — сказал он.

— Я с тобой, хозяин, — ответил змей, и в его голосе слышалась решимость. — Всегда.

Артель шагнул в зеркало.

Тёплый свет окутал его, как одеяло, как объятие матери. Воздух стал гуще, слаще, и он почувствовал, как земля под ногами перестаёт быть холодным камнем и становится мягкой, влажной травой. Он открыл глаза.

Лес

Лес. Настоящий лес, высокий, зелёный, пахнущий солнцем и жизнью. Солнечные лучи пробивались сквозь кроны, рисуя на траве золотые узоры, которые двигались и переливались, как живые. Где-то пели птицы, и их голоса были та-

кими чистыми, что, казалось, они пронзали само небо. Тихо журчал ручей, и его вода была прозрачной, как слеза.

Артель обернулся. Позади него висело зеркало — теперь уже обычное, тёмное, в потускневшей позолоте. Оно стояло между двумя старыми дубами, и на его поверхности только что исчезли последние отблески света. Теперь оно было просто куском стекла, которое отражало лес.

— Мы вышли, — прошептал Ласет, выглядывая из-за ворота рубашки. Его глаза сияли, и в его голосе слышалось облегчение. — Мы свободны, хозяин. Мы сделали это.

— Пока, — сказал Артель, прислушиваясь к лесу. — Но это только начало.

Он сделал шаг вперёд, в глубь леса, и на мгновение замер. Где-то далеко, за деревьями, он чувствовал запах степи. Сухой, тёплый, с нотами полыни и мяты. И в нём — знакомое тепло. То самое, что он чувствовал, когда видел ту девушку. С голубыми глазами и бойким сердцем. Которая не побоялась бросить в него бутылку.

— Стеша, — прошептал он, и в голосе его послышалась надежда.

И пошёл вперёд.

Пробуждение

А в Заозёрье, на другом конце этой связи, Стеша проснулась от странного ощущения. Кто-то звал её. Тихо, почти беззвучно, но отчётливо. Она села на кровати и посмотрела в окно. Степь за горизонтом серебрилась под утренним солнцем, и трава переливалась, как море.

— Странно, — прошептала она, прижимая руку к груди.
— Мне показалось?

Бонифаций, лежавший рядом, приоткрыл один глаз. Его янтарный зрачок блеснул в полумраке.

— Нет, — сказал он тихо, и голос его был серьёзным. — Не показалось. Кто-то идёт. Я чувствую его. Он близко.

Он поднял голову и посмотрел вдаль, туда, где начинался лес, где деревья стояли стеной, разделяя два мира.

— И он уже почти пришёл.

Лесная тишина

Лес встретил Артеля теплом. Не тем липким, душным теплом, которое бывает перед грозой, когда воздух становится тяжёлым, как мокрая вата, а мягким, ласковым — как материнские руки, укрывающие уставшего ребёнка. Воздух был густым от запахов: хвои, влажной земли, цветущего разнотравья и чего-то сладкого, похожего на мёд и дикую клубнику.

Артель сделал глубокий вдох и почувствовал, как боль уходит из тела. Не магией — просто покоем, который разливался по жилам, как тёплая вода, смывающая усталость. Его мышцы расслабились, дыхание стало глубже, и он впервые за долгое время почувствовал, что может дышать полной грудью.

— Хозяин, — прошептал Ласет, выглядывая из-за ворота рубашки. Его глаза сияли, и в его голосе слышалось удивление. — Здесь... хорошо. Так хорошо, как не было никогда. Даже в замке, когда горел камин.

— Да, — тихо ответил Артель, и в голосе его послышалось удивление. — Я чувствую. Здесь нет зла. Совсем нет.

Он стоял на мягком ковре мха, который пружинил под ногами, как самая дорогая перина. Солнце пробивалось сквозь кроны деревьев, рисуя на земле золотые круги, которые двигались и переливались, как живые. Где-то пели птицы — негромко, убаюкивающе, и журчание воды доносилось откуда-то слева, как тихая колыбельная.

Артель не знал, куда идти. Но он чувствовал — этот лес не даст ему заблудиться. Он был в безопасности. Впервые за долгое время. Он шёл вдоль реки, и каждый шаг давался ему легче. Вода была прозрачной, почти серебряной, и на её поверхности танцевали солнечные зайчики, как маленькие огоньки. Рыба плескалась у самого берега, не боясь его шагов — она знала, что этот человек не причинит ей вреда. Ветви склонялись низко, касаясь его плеч, как будто здороваясь, и он чувствовал, как они гладят его, как старые друзья.

Ласет высунулся чуть дальше, вдыхая воздух, и его чешуя засветилась, как будто она впитывала свет.

— Здесь нет зла, хозяин, — сказал он. — Совсем нет. Даже тени здесь другие.

— Я знаю, — ответил Артель.

Он шёл долго. Может быть, час. Может быть, два. Время в этом лесу текло иначе — мягче, медленнее, как тягучий мёд. И когда деревья начали редеть, он увидел деревню.

Деревня у реки

Она была маленькой, но уютной — домов десять, не больше, разбросанных по берегу реки, как семена, которые разбросал ветер. Все из тёмного дерева, с резными наличниками и крышами, покрытыми соломой или тёсом. Заборы невысокие, почти игрушечные, увитые диким виноградом и вьюнками, которые цвели мелкими белыми цветами.

Первый дом стоял чуть поодаль от остальных, у самой реки, как старый страж, охраняющий покой деревни. Его веранда была кружевной — резные столбики, узорчатые перила, и по всему карнизу тянулась тонкая деревянная вязь, похожая на застывшее кружево. На веранде, в старом кресле-качалке, сидел дед.

Он был старым. Очень старым — лицо изрезано глубокими морщинами, как старая карта, на которой отмечены все дороги жизни. Руки в тёмных пятнах, как у человека, который много работал с землёй, растил хлеб и сажал деревья.

Но в его осанке чувствовалась сила, а глаза — ясные, зелёные, почти такие же, как у Артеля — смотрели настороженно, но без злобы. В них была мудрость, которую не купить и не украсть.

Рядом с ним, положив голову на колени, лежал рыжий пёс. Огромный, лохматый, с умными карими глазами. Он даже не гавкнул, когда Артель подошёл — только приподнял голову, посмотрел на него, и снова уложил морду на колени деда, как будто знал, что этот человек не опасен.

В руках деда была палка. Тонкая, гибкая, из ивового прута, который он только что срезал. Он строгал её ножом, снимая кору длинными, ровными стружками, которые падали на пол, и что-то тихо напевал. Старую песню, которая была похожа на ту, что пела Лариса. Потом он поднял голову и посмотрел прямо на Артеля.

— Пришёл таки, внучек, — сказал он, и голос его был низким, чуть хрипловатым, но тёплым, как печная труба зимой.

Артель замер. Его сердце пропустило удар.

— Я... — он не знал, что сказать. — Я не внук вам.

Дед усмехнулся. Глаза его блеснули — в них было столько знания, сколько не поместилось бы ни в одной книге. Он отложил нож и палку и жестом пригласил Артеля подняться на веранду.

— А кто же ты? — спросил он, и в голосе его послышалась лёгкая усмешка. — Кровь Симар в тебе течёт. И светлая, и тёмная. Сплетённая, как эти прутья.

Он поднял палку, на которой только что снял кору, и Артель увидел, как на ней проступают тонкие серебряные прожилки, похожие на вены. Древесина дышала — мягко, едва заметно, но она дышала, как живое существо.

— Ты сын Равтеля, — продолжил дед, — но не его. Ты — продолжение другой ветви. Той, что идёт от Веданы. Моей бабки.

— Веданы? — выдохнул Артель, и в голосе его послышалось изумление. — Так вы...

— Юрий, — дед кивнул, и в его глазах блеснула грустная улыбка. — Юрий Кравец. Дед той самой девчонки, что бросила бутылку в твоего змея. Помнишь?

Ласет напрягся, но Артель положил руку на грудь, успо-

каивая его. Его пальцы дрожали, но он держал себя в руках.

— Помню, — сказал он. — Она... она моя родственница?

— Троюродная сестра, — Юрий отложил нож и палку и жестом пригласил Артеля подняться на веранду. — Садись, внучек. У нас есть о чём поговорить. И время у нас есть. Теперь есть.

Разговор на веранде

Артель поднялся на крыльцо. Дерево скрипнуло под его ногами, но выдержало его вес, как старый друг. Он опустился на скамью напротив деда, чувствуя, как тепло веранды окутывает его, как запах сушёных трав и старого дерева заполняет лёгкие.

Рыжий пёс поднял голову, подошёл к Артелю, обнюхал его и лизнул руку. Язык у него был тёплым и шершавым, как наждак.

— Зови его Дружок, — сказал Юрий. — Он знает, кто свой. У него нюх на правду.

Артель машинально погладил пса по голове. Шерсть была густой, тёплой, пахла солнцем и сеном, и он почувствовал, как от этого прикосновения внутри разливается спокойствие.

— Я не понимаю, — сказал он тихо. — Как вы узнали, что я приду?

— Ждал, — просто ответил Юрий, и в голосе его послышалась вековая усталость. — Много лет. С тех пор, как Веда-на ушла. Она сказала: придёт время, и появятся двое. Один — из тени, другой — из света. И они должны встретиться. Чтобы остановить то, что началось.

Он вздохнул, и в его взгляде мелькнула такая глубокая печаль, что Артель почувствовал, как она касается и его самого.

— Ты — тот, кто из тени, — продолжил Юрий. — И ты пришёл. Значит, время пришло. Древнее пророчество начинает сбываться.

— Что я должен делать? — спросил Артель, и голос его дрогнул.

— Искать, — Юрий поднялся с кресла и оперся на палку,

которую только что строгал. — Искать правду. Свою. Своей семьи. И того, что спит в центре Изнанки. Ты должен понять, кто ты на самом деле.

Он посмотрел на Артеля с такой серьёзностью, что тот понял: этот старик знает больше, чем говорит. Но он не торопил его. Он ждал, когда Артель будет готов.

— Ты отдохни сегодня, — сказал Юрий. — Завтра я покажу тебе дорогу. К той, кто ждёт.

— К Стеше? — спросил Артель, и сердце его забилось быстрее.

— К ней, — улыбнулся дед, и в глазах его блеснула искра надежды. — И к её коту. И к тому, что спрятано в степи. Ты должен встретиться с ней. Это важно.

Он повернулся и пошёл в дом, но на пороге остановился. Его фигура, высокая и прямая, несмотря на возраст, заслонила свет.

— Внучек, — сказал он, не оборачиваясь. — Ты не один. Запомни это. Даже когда кажется, что все отвернулись — ты не один. У тебя есть семья. И мы будем ждать тебя.

Артель остался на веранде. Солнце садилось, окрашивая небо в золотые и розовые тона, и облака горели, как угли в печи. Где-то в лесу запел соловей, и его песня была такой чистой, что, казалось, она пронзала само время. И в этом пении, в этом тепле, в этом старом доме с кружевной верандой было что-то такое, что он никогда не чувствовал раньше.

Дом.

И семья.

Он закрыл глаза и впервые за много лет позволил себе просто дышать. А Ласет, свернувшийся на его коленях, тихо, но довольно зашипел, и в этом звуке было столько покоя, сколько не было за все годы в замке Симар.

Дом деда

Дом внутри оказался таким же тёплым, как и снаружи. Пахло сушёными травами, старым деревом и чем-то сытным — похоже, на плите томился ужин, и запах его был таким густым, что, казалось, его можно было потрогать руками. Стены были увешаны вышитыми рушниками с яркими узорами, на полках стояли глиняные горшки разных размеров, а в

углу тикали старые часы с кукушкой, которая выглядывала каждые полчаса.

— Проходи, — Юрий махнул рукой в сторону комнаты. — Там на кровати одежда. Моя, старая, но чистая. Переоде-
нешься — и за стол. Еда стынет.

Артель шагнул в комнату. Она была маленькой, но уютной — железная кровать с горой подушек, накрытых вышитыми наволочками, тумбочка с керосиновой лампой и высокий шкаф, из которого торчал край льняной рубахи. Он стянул с себя окровавленные лохмотья и почувствовал, как воздух касается зажившей кожи. Раны почти не болели — только слабое покалывание, как от мурашек.

Рубаха была просторной, пахла лавандой и солнцем. Штаны — чуть широкие, подвязанные на поясе. Но они были тёплыми и чистыми, и он чувствовал себя почти человеком.

Артель вышел на кухню. На столе уже стояла тарелка с дымящимся супом — наваристым, с крупными кусками мяса и моркови, с душистым укропом и лавровым листом. Рядом — краюха чёрного хлеба, ломоть сала и кружка парного молока с пенкой.

— Садись, ешь, — Юрий кивнул на табуретку. — Я пойду

позвоню. Надо предупредить Ларису.

Он вышел в сени, и Артель услышал, как старые деревянные половицы скрипнули под его шагами.

Тишина за столом

Артель не заставил себя упрашивать. Он ел жадно, но аккуратно — как человек, который долго не видел нормальной еды, который знает цену каждому куску. Суп был густым, сытным, с душистым укропом и лавровым листом. Молоко — парным, с лёгким пенным слоем, которое таяло на языке.

Ласет выполз из-за пазухи и устался на стол. Его глаза сияли, и он тихо зашипел от нетерпения.

— Хозяин, — прошептал он. — Я тоже хочу. Я так давно не ел.

Артель улыбнулся впервые за много дней. Он отломил кусочек хлеба, обмакнул в молоко и протянул змею. Ласет с жадностью проглотил угощение и довольно зашипел, обвиваясь вокруг его руки.

В доме было тихо. Только тикали часы да потрескивали дрова в печи, и их треск был успокаивающим, как колыбельная. Где-то за стеной Юрий негромко говорил по телефону — слов было не разобрать, но голос его звучал спокойно, деловито.

Артель доел суп, вытер рот рукавом и откинулся на спинку стула. Он чувствовал себя странно. Сытым. Тёплым. В безопасности. Впервые за последние годы.

Разговор по телефону

В сенях Юрий снял со стены старый трубчатый телефон. Он покрутил ручку, и в трубке послышался знакомый голос.

— Лариса, — сказал он, когда на том конце ответили. — Внучек у меня. Тот, из тени. Да, он пришёл. Да, через зеркало. Он жив.

— Что?! — голос Ларисы был испуганным и сбивчивым, как будто она только что проснулась. — Папа, ты с ума сошёл? Он же сын Равтеля! Ты знаешь, что он сделал с нашей семьёй?

— Он — сын Равтеля, — повторил Юрий спокойно, и в голосе его послышалась сталь. — Но не его. Он сбежал, Лариса. Я видел его глаза. В нём нет зла. Он ищет правду. Он ищет семью.

Тишина на том конце. Слышно было только дыхание Ларисы, тяжёлое и нервное.

— Папа... — голос её стал тише, почти шёпотом. — Ты уверен?

— Уверен, — Юрий вздохнул, и в голосе его послышалась усталость. — Он пришёл через портал, который оставила Ведана. Он ищет правду. И он ищет Стешу. Он хочет помочь.

— Нет, — резко сказала Лариса. — Я не позволю. Я не пущу его в свой дом.

— Успокойся, дочка. Он не причинит ей вреда. Я знаю. Он будет здесь до утра, а завтра я проведу его к вам. Ты должна принять его. Это судьба.

— Папа...

— Всё, Лариса, — Юрий мягко, но твёрдо оборвал её. — Приготовь гостевую комнату. И пироги. И не волнуйся. Всё

будет хорошо. Я обещаю.

Он повесил трубку и постоял немного, глядя в окно на темнеющее небо, где уже зажигались первые звёзды.

— Всё будет хорошо, — повторил он тихо, как молитву.
— Должно быть.

Он вернулся в дом, где Артель сидел за столом, прижимая к себе спящего Ласета. Его лицо было спокойным, и впервые за долгое время он не ждал удара.

— Ну что, — сказал Юрий, садясь напротив. — Отдохнул?

— Спасибо, дедушка, — Артель посмотрел на него, и в его зелёных глазах блеснула искренняя благодарность, которая шла из самой глубины души. — Я не знаю, как отблагодарить вас.

— Отблаговаришь делом, — Юрий налил себе кружку чаю и отпил. — Завтра пойдём к Стеше. Она должна знать, что ты жив. И что вы — одна семья.

Он помолчал, глядя на огонь в печи.

— А пока — спи. Завтра будет тяжёлый день.

Артель кивнул. Он вышел из-за стола, и Ласет уже дремал у него на плече, тихо посапывая. Перед сном он подошёл к окну и посмотрел в ночное небо. Звёзды здесь были такими же яркими, как в степи. Тёплыми, живыми, как будто они смотрели на него и улыбались.

— Мама, — прошептал он. — Я нашёл дорогу. Теперь я знаю, куда идти.

За его спиной тихо посапывал Дружок, где-то в глубине дома возился Юрий, а за окном шелестел лес, в котором больше не было страха.

Суета в доме

Стеша не понимала, что происходит.

С самого утра мама была сама не своя. Она металась по дому, как встревоженная птица, которая чувствует приближение бури — то открывала шкафы, то закрывала, то снова открывала, перебирая скатерти и полотенца. Её руки дрожали, и она то и дело поправляла волосы, хотя они были уже

идеально уложены в тугую косу.

— Мам, — Стеша сидела за столом с кружкой чая и наблюдала за этим хаосом. — Что случилось? Ты как будто ждёшь короля.

— Ничего, — ответила Лариса, не оборачиваясь. Она стояла у печи и помешивала что-то в большом чугушке, и оттуда поднимался густой пар с запахом мяса и специй. — Приедет дедушка. С гостем.

— С гостем? — переспросила Стеша, чувствуя, как внутри шевельнулось странное предчувствие. — Каким ещё гостем?

— Я сама не знаю, — Лариса вздохнула, и в её голосе слышалась тревога, которую она пыталась скрыть. — Сказал, что важный. Что надо встретить. И что...

Она замолчала, и Стеша заметила, как мама сжала половник так, что костяшки побелели.

— Что? — насторожилась Стеша, ставя кружку на стол.

— И что этот гость — родственник, — тихо сказала Лариса, и голос её дрогнул. — Наш. По крови.

Стеша замерла. Родственник? У них были только дед Юрий и Лиля. Больше никого. Она никогда не слышала о других родственниках. Её сердце забилося быстрее.

— Какой ещё родственник? — спросила она, и голос её стал твёрже, чем она чувствовала себя.

— Спроси у деда, — отрезала Лариса, и в голосе её слышалась сталь. — Я ничего не знаю. Я только пеку.

И она принялась месить тесто с такой яростью, что мука взметнулась облаком, оседая на её фартуке и волосах.

Стеша не стала больше спрашивать. Она только взглянула на Бонифация, который сидел на подоконнике и смотрел на дорогу. Его уши были насторожены, хвост слегка подрагивал, и в его позе чувствовалось напряжение.

— Что думаешь? — тихо спросила она, подходя к нему.

Кот повернул голову. Его янтарные глаза блеснули, и в них отражался свет утреннего солнца.

— Думаю, что пришло время, — ответил он, и голос его был серьёзным. — И что твоя мать знает больше, чем гово-

рит. Но ты скоро всё узнаешь сама.

Пироги и предчувствие

Лариса пекла и стряпала полдня. Пироги с яблоками, пирожки с капустой, ватрушки с творогом — всё это заполнило стол, покрытый новой скатертью с вышитыми узорами. В доме пахло сдобой, ванилью и топлёным маслом, и этот запах смешивался с запахом трав, которые висели под потолком.

Стеша помогала, чем могла — резала овощи, мыла посуду, расставляла тарелки. Но мысли её были далеко. Она чувствовала странное волнение. То самое, которое бывает перед чем-то важным, когда знаешь, что вот-вот случится что-то, что изменит всё.

Бонифаций сидел на крыльце и смотрел на дорогу. Его уши были насторожены, хвост слегка подрагивал, и он время от времени втягивал воздух, как будто пробовал его на вкус.

— Боня, — Стеша вышла к нему и села рядом. — Ты что-то чувствуешь?

— Чую, — ответил он, не оборачиваясь. — Идут. Двое.

Один знакомый. Очень знакомый.

Он повернул к ней голову, и его янтарные глаза встретились с её голубыми.

— Стеша, — сказал он серьёзно, и в голосе его послышалась тревога. — Кто бы ни пришёл — не бойся. Он не враг.

— Откуда ты знаешь? — спросила она, и голос её дрогнул.

— Знаю, — просто ответил кот. — Чую его кровь. Она такая же, как у тебя. И в ней нет зла.

И прежде чем Стеша успела спросить, что это значит, из-за горизонта показалась телега.

Телега с пестрой кобылой

Она двигалась медленно, но уверенно — маленькая, запряжённая пестрой кобылой, которая шла ровной, спокойной рысью. Кобыла была невысокой, коренастой, с широкой грудью и умными тёмными глазами, в которых отражалась мудрость. Её шерсть переливалась белыми и рыжими пятнами, как осенние листья, и она фыркала от удовольствия, ко-

гда ветер касался её морды.

На телеге сидели двое. Один — дед Юрий. Он правил лошады, и его руки — старые, но сильные — держали вожжи так же уверенно, как нож для строгания. Второй — молодой мужчина. Он сидел рядом с дедом, чуть сгорбившись, и его лицо было скрыто тенью старой соломенной шляпы.

Но когда телега подъехала ближе, Стеша разглядела его. Тёмные волосы, спадающие на плечи, как чёрный шёлк. Зелёные глаза — точно такие же, как у неё. Как у Лили. Как у отца.

— Боже, — выдохнула она, и сердце её пропустило удар.

Она узнала его. Тот самый парень из клуба. Сын Равтеля. Змеелов.

Артель.

Сердце её забилось быстрее, а ноги сами понесли её вперёд, к калитке, где уже стояла мама, прижимая руки к груди.

Первая встреча у дома

Юрий спрыгнул с телеги первым, ловко, несмотря на возраст. Он хлопнул кобылу по крупу и усмехнулся:

— Хорошо шла, Зорька. Молодец.

Потом он повернулся к Стеше и протянул руки, обнимая её. От него пахло старым деревом, табаком и дорогой.

— Здравствуй, внучка.

— Деда, — Стеша прижалась к его плечу, вдыхая знакомый запах. — Что происходит? Кто это?

Юрий отстранился и посмотрел на неё с той же серьёзностью, что и вчера. В его глазах мелькнула искра.

— Это тот, о ком я говорил, — сказал он. — Твой родственник. Троюродный брат. Сын твоей тётки.

Артель спрыгнул с телеги и остановился в шаге от них. Он выглядел иначе, чем в ту ночь в клубе. Не таким опасным, не таким отстранённым. Просто уставшим, как человек, ко-

торый прошёл через ад и вышел из него живым. В его глазах была тоска, но в них же — надежда. Он смотрел на Стешу, как на что-то очень важное. Как на спасительный свет в конце тоннеля.

— Здравствуй, — сказал он тихо, и голос его дрогнул. — Я... я не знаю, как тебя называть. Стеша? Степанида?

— Стеша, — ответила она, и голос её был твёрже, чем она чувствовала себя. — Просто Стеша.

Она смотрела на него и чувствовала странную, почти тянущую боль в груди. Не физическую — какую-то другую, глубокую, которая связывала их невидимой нитью. Нитью крови, которая была старше их обоих.

Бонифаций подошёл к ним и сел у её ног, глядя на Артеля. Его янтарные глаза были внимательны и серьёзны.

— Твоя мать, — сказал он тихо. — Она была такой же. Светлой. Честной. Ты похож на неё.

Артель вздрогнул, услышав голос кота, но не отшатнулся. Только посмотрел на него с уважением.

— Я... я хочу всё рассказать, — сказал он, и голос его стал

твёрже. — Про отца. Про замок. Про то, что он задумал. Я не враг.

— Мы знаем, — ответила Стеша.

Она шагнула вперёд и, не думая, взяла его за руку. Его пальцы были холодными, но она сжала их крепко, как сжимала руку Лили, когда та боялась темноты.

— Идём. Мама напекла пирогов. Ты голодный?

Артель сглотнул. В его глазах блеснула благодарность.

— Очень, — сказал он. — Спасибо.

И они пошли в дом.

Лариса стояла на пороге, вытирая руки о фартук. Она смотрела на Артеля, и в её глазах была борьба — страх и понимание, любовь и ненависть, которые переплелись в один тугой узел.

— Проходи, — сказала она наконец, и голос её был твёрдым. — Мой руки. И садись за стол. Поешь сначала. Всё потом.

Артель перешагнул порог, и дом принял его. Тёплый, пахнущий пирогами и травами, он стал для него убежищем. Местом, где он мог не бояться. Где его не ждал удар.

А Стеша, стоя рядом, чувствовала, как между ними завязывается та самая нить, о которой говорил Бонифаций. Нить крови. Нить судьбы. Она была тонкой, но крепкой, как корни старого дуба, которые держат землю.

И она только начинала расти.

Мгновение до драки

Бонифаций вышел на крыльцо первым. Он остановился на верхней ступеньке, и вдруг его тело напряглось, как струна. Его спина выгнулась дугой, шерсть встала дыбом, превращая его из маленького кота в чёрную, колючую тень. Из его горла вырвался низкий, угрожающий рык — не кошачий, а звериный, древний, как будто в нём проснулся кто-то гораздо более старый и опасный.

— Ш-ш-ш-ш-ш!

Он зашипел так, что Стеша вздрогнула, и в следующее

мгновение его тело начало меняться. Чёрная шерсть сгустилась, стала гуще и длиннее, мышцы налились силой, лапы удлиннились и стали мощнее, как у пантеры. Когти, как чёрные кинжалы, впились в деревянные доски крыльца, оставляя глубокие борозды. Ещё миг — и на крыльце стояла не кот, а огромная чёрная пантера. Её янтарные глаза горели яростным огнём, и в них не было ни капли той мягкости, что была у Бонифация. Только древняя, первобытная ярость.

— Боня! — крикнула Стеша, делая шаг вперёд, но Артель схватил её за руку, удерживая.

Но пантера не слышала её. Она смотрела на того, кто стоял за спиной Артеля.

Лиля. Маленькая Лиля с зелёными глазами и чёрными косичками стояла на ступеньках, растерянная и испуганная. Она вышла посмотреть, кто приехал, и теперь замерла, глядя на огромного зверя перед собой. Её глаза расширились, и она прижала руки к груди, как будто пыталась защитить сердце.

Пантера рычала на неё. Нет. Не на неё. На то, что было за ней. На что-то, что Стеша не видела, но Бонифаций чувствовал — на огромный клубок тёмной магии, которая сворачивалась вокруг Лили, как змея.

Ласет тоже изменился. Змей, дремавший на плече Артеля, вдруг вытянулся, его чешуя засветилась зелёным, и он увеличился в размерах — в несколько раз, превращаясь в огромное, мускулистое существо. Мощное змеиное тело обвилось вокруг Артеля, закрывая его собой, а голова с вертикальными зрачками зашипела в сторону пантеры. Его клыки блеснули, как сабли, и из пасти вырвался пар.

— Ласет, нет! — крикнул Артель, пытаясь удержать своего фамильяра.

Но было поздно. Пантера и огромный змей стояли друг напротив друга, готовые к броску. Воздух между ними искрился от напряжения, как перед грозой, и каждый мускул был напряжён. Ещё секунда — и они вцепятся друг в друга насмерть.

Гром среди ясного неба

И в этот миг небо раскололось. Гром ударил так, что земля дрогнула, а стёкла в окнах задребезжали. Яркая вспышка озарила двор, и Стеша зажмурилась на мгновение, чувствуя, как свет проникает сквозь веки.

Когда она открыла глаза, Буц стоял посередине двора. Но это был не тот Буц, которого она знала. Не обычный деревенский конь с чёрной шерстью и добрыми глазами. Это был огнегривый конь. Его грива полыхала алым и золотым пламенем, которое не обжигало, а струилось по воздуху, как живой огонь. Шерсть переливалась, как раскалённый металл, а из ноздрей вырывались струйки дыма, которые поднимались к небу и таяли в воздухе. Он был огромным, величественным, и в его тёмных глазах горела древняя сила, которую невозможно было описать словами.

Он сделал шаг вперёд, и земля под его копытами задымилась, оставляя чёрные следы.

— Моя территория, — прозвучал голос — низкий, глубокий, как подземный гул. — Не буянь, кот бедствия. Здесь мой дом, и я не позволю тебе его разрушить.

Бонифаций замер. Пантера медленно опустила голову, и рычание стихло, превратившись в тихое, угрожающее ворчание. Она смотрела на огненного коня с удивлением и, кажется, с уважением. Её глаза расширились, и она сделала шаг назад, признавая его власть.

— Буц... — прошептала Стеша, и голос её дрожал. — Ты...

— Я тот, кем был всегда, — ответил конь, поворачивая к ней голову. Его глаза, тёплые и мудрые, встретились с её. — Просто ты не видела. Пока. Ты не была готова.

Буц не стал драться. Он отступил на шаг и снова превратился в обычного коня — чёрного, коренастого, с добрыми глазами. Только в его взгляде осталось что-то древнее, что-то, что Стеша никогда не замечала раньше. Он подошёл к Ларисе и ткнулся носом в её плечо, как будто ища утешения.

Веник деда Юрия

Юрий тем временем подошёл к калитке. В руках у него был старый веник — обычный, из берёзовых прутьев, которым он подметал двор по утрам. Но в этот момент он выглядел не как обычный веник, а как посох древнего мага. Он провёл им перед собой, два раза подмёл порог, и Стеша почувствовала, как воздух вокруг изменился.

Стало тише. Спокойнее. Тёмная магия, которая клубилась вокруг Лили, рассеялась, как туман на утреннем солнце. Сила покинула змея и кота, как будто её сдуло ветром. Ласет уменьшился до обычных размеров и заполз обратно

на плечо Артелю, пряча голову в его рубашке. Бонифаций тоже сжался, превращаясь обратно в чёрного кота, и сел у ног Стеши, тяжело дыша.

— Всё, — сказал Юрий, опираясь на веник. — Угомонились. Нечего тут драку устраивать. Мы же семья.

Он посмотрел на Бонифация, и в его глазах мелькнула усмешка.

— Ты, кот, хорош, но на моей земле не буянь. Буц тебя вмиг успокоит. Он тут хозяин.

Буц фыркнул, соглашаясь, и ткнулся носом в плечо Ларисы. Лариса погладила его по морде, и в её глазах блеснула благодарность.

Лариса успокаивает коня

Лариса подошла к Буцу. Она не боялась его — даже когда он стоял, полыхая огнём, она смотрела на него с той же тёплой улыбкой, с какой смотрела на своих детей. Она знала его секрет, знала с самого начала.

— Тихо, мой хороший, — сказала она, поглаживая его по морде. Её пальцы были тёплыми и уверенными. — Всё хорошо. Никто не тронет наш дом.

Буц вздохнул — шумно, по-лошадиному, и коснулся носом её ладони. Его глаза, огромные и тёмные, смотрели на неё с преданностью, которую не передать словами.

— Я охраняю, — сказал он, и в его голосе слышалась вековая верность. — Всегда. Это мой долг. Моя судьба.

Стеша смотрела на всё это и не верила своим глазам. Её мама. Её дед. Её конь. Все они были частью чего-то большего. Чего-то, что она не понимала, но чувствовала всей душой.

Артель подошёл к ней. Его рука коснулась её плеча, и она почувствовала, как от него исходит тепло.

— Прости, — сказал он тихо. — Я не знал, что Ласет так отреагирует. Он просто испугался за меня. Он всегда защищает меня, даже когда не надо.

— Всё нормально, — ответила Стеша, и голос её был твёрже, чем она чувствовала себя. — Боня тоже испугался за нас. За Лили.

Она посмотрела на младшую сестру, которая всё ещё стояла на крыльце, широко раскрыв глаза. Её руки дрожали, и она прижимала их к груди.

— Лиля, — позвала она. — Иди сюда. Всё хорошо. Это просто... ну, это просто Боня. Он хотел защитить нас.

Девочка шагнула вперёд, но смотрела не на Стешу. Она смотрела на Буца. В её глазах не было страха — только благоговейный трепет, как перед чудом.

— Ты был красивым, — сказала она тихо, и голос её звучал как колокольчик. — Очень красивым. Ты меня не боишься?

Конь наклонил голову и коснулся носом её ладони. Его дыхание было тёплым и мягким.

— Нет, маленькая, — ответил он, и в его голосе слышалась нежность. — Ты — моя. Как и все здесь.

Лиля улыбнулась, и страх исчез с её лица, как туман.

А Юрий тем временем закинул веник на плечо и пошёл в дом.

— Ну что, — сказал он. — Пироги остывают. Заходите все. Будем говорить. И есть.

И он скрылся в дверях, оставив всех на пороге, где только что бушевала буря, а теперь — стоял покой.

Новая реальность

Стеша стояла во дворе и смотрела на всех, кто собрался здесь. Мама. Дед. Лиля. Буц. Бонифаций. Артель. Они были её семьёй. Кровной. Не кровной. Магической. Человеческой. Все они были частью одного целого — древнего, запутанного, но такого родного.

— Заходите, — сказала она наконец. — Правда, пироги остынут.

И она первая шагнула в дом, чувствуя, как за ней идут остальные. А за окном степь шумела, и ветер нёс над ней запах полыни, свободы и древней, вечной магии.

За долгим столом

Все расселись за большим деревянным столом. Лариса поставила на стол дымящиеся пироги, тарелки с соленьями, кувшин с холодным квасом и горячий чайник. Лиля сидела рядом с матерью, с любопытством поглядывая на Артеля и Ласета, который свернулся на плече хозяина, притворяясь спящим. Бонифаций устроился на печи, грел лапы и тоже слушал, наострив уши.

Юрий отпил из кружки, поставил её на стол и окинул взглядом всех собравшихся. Его глаза, зелёные и ясные, смотрели на них с мудростью, накопленной за долгую жизнь.

— Ну что, — сказал он негромко. — Пришло время рассказать вам правду. Всю. От начала.

Он посмотрел на Стешу, потом на Артеля.

— Вы — одна кровь. Две ветви одного рода. И история эта началась очень давно. Ещё до того, как я родился. До того, как родился мой отец. До того, как этот мир стал таким, какой он есть.

Древний договор

— Давным-давно, — начал Юрий, и голос его стал глубже, как будто он сам погружался в прошлое, — в Изнанке жил род Симар. Не люди, не маги — те, кто стоял между ними. Те, кто умел говорить с духами и видеть то, что скрыто. Они были сильны, богаты и опасны. И у них был покровитель — чёрный дракон.

Он помолчал, глядя на огонь в печи, который плясал и переливался.

— Её звали Симар. Как и род. Она была древней, мудрой и могучей. Её чешуя была чёрной, как бездна, а глаза горели, как звёзды. И она заключила договор с первым главой рода. Кровь дракона текла в жилах Симаров, давая им силу, власть и бессмертие. Но за это они должны были служить ей. Быть её мечом в Изнанке. Охранять границу между мирами.

Стеша слушала, затаив дыхание. Она чувствовала, как слова деда проникают в неё, как корни в землю.

— Со временем род стал мельчать. Кровь дракона слабела, сила угасала. Магия уходила, как вода сквозь пальцы.

И тогда начались раздоры. Кто-то хотел сохранить договор, кто-то — разорвать его. И в этом споре родилась та, кто изменила всё.

— Ведана, — прошептала Стеша, и имя это прозвучало в тишине как древняя молитва.

— Да, — кивнул Юрий. — Моя бабка. Твоя прапрабабка.

Он посмотрел на неё, и в его глазах блеснула гордость.

Ведана и раскол

— Ведана была дочерью хозяина чёрного дракона. Она должна была унаследовать силу, стать следующей хранительницей договора. Но она была другой. Не тёмной, как остальные. Светлой. Она видела, что род гибнет, что сила дракона иссушает души, превращает людей в чудовищ, которые готовы убивать ради капли крови.

Он вздохнул и отпил ещё чаю.

— Она решила уйти. Разорвать договор. Спасти себя и ту часть крови, что была в ней. Но для этого нужно было бежать

в другой мир. В человеческий. Где магия слаба, и где дракон не сможет её достать.

— Она сбежала? — спросил Артель, и голос его дрогнул.

— Да, — кивнул Юрий. — Взяла с собой только самое важное и ушла через портал. Она оставила всё: власть, богатство, положение. Всё, что давал ей род. И с ней ушла частица силы чёрного дракона. Не вся — часть. Та, что была в её крови. Но этого оказалось достаточно, чтобы дракон уснул. И достаточно, чтобы род Симар раскололся надвое.

Он посмотрел на Стешу и Артеля.

— Светлая ветвь. И тёмная. Ты, Стеша, и ты, Артель. Вы — наследники этого раскола.

Бегство в человеческий мир

— Ведана поселилась здесь, — Юрий обвёл рукой дом, окно, степь. — В этом мире. В Заозёрье. Она нашла мужа, родила детей, жила как обычная женщина. Но магия не ушла из неё. Она передавалась по крови. Слабла, угасала, но не исчезала полностью.

Стеша вспомнила свои руки, которые лечили Белянку. Вспомнила, как чувствовала боль животных, как они тянулись к ней, как она могла слышать их мысли, их страхи.

— Это я, — сказала она тихо. — Моя магия. Это от неё?

— Да, — кивнул Юрий. — Твоя сила — эмпатия и целительство. Это дар светлой ветви. Он слабый, но он есть. И он растёт. Ты чувствуешь чужую боль, забираешь её, растворяешь в себе. Как Ведана.

Он помолчал и добавил, и голос его стал мягче:

— Твой отец тоже чувствовал. Но не мог лечить. Он только брал боль на себя. Поэтому он умер так рано. Слишком много боли скопилось в нём. Слишком много горя.

Стеша почувствовала, как к горлу подступает ком. Она сжала руки, пытаясь удержать слёзы.

— Он умер из-за магии? — спросила она, и голос её дрогнул.

— Он умер, защищая вас, — ответил Юрий. — Он знал, что тёмные ищут светлую кровь. И отдал свою жизнь, чтобы

они не нашли тебя. Ты была его главным сокровищем.

— А теперь слушайте самое главное, — сказал Юрий, и голос его стал глубже, как будто он призывал древние силы.

— Перед смертью Ведана оставила предсказание. Она сказала, что придёт время, и две ветви рода сойдутся снова. Светлая и тёмная — встретятся. И когда их кровь объединится, чёрный дракон проснётся.

Он посмотрел на Стешу и Артеля.

— Не чтобы уничтожить мир. А чтобы завершить то, что началось. Дракон устал спать. Он ждёт своего нового хозяина. Того, кто сможет соединить свет и тень, не разрушая их.

— Хозяина? — переспросил Артель, и в голосе его слышалось изумление. — Но я слышал, что дракон — это проклятие. Что он приносит только горе.

— Проклятие — для тех, кто хочет использовать его силу ради власти, — ответил Юрий. — Для тех, кто предал договор. А для того, кто придёт с чистым сердцем — это шанс. Шанс остановить зло, которое пробуждается в Изнанке.

Он перевёл дух, и голос его стал твёрже.

— Твой отец, Артель, хочет пробудить дракона, чтобы подчинить его. Стать владыкой. Он готов уничтожить всё, чтобы получить эту силу. И если он сделает это — последствия будут страшными. Для всех миров. Для Изнанки, для человеческого мира, для всего, что существует.

Тишина за столом

Тишина повисла в доме. Слышно было только, как потрескивают дрова в печи, да как за окном ветер шевелит траву. Лиля сидела неподвижно, прижав руки к груди. Лариса смотрела в стол, и её глаза были влажными.

— Значит, мы должны остановить его, — сказала Стеша твёрдо, и голос её звучал как клятва. — Мы должны пробудить дракона раньше, чем он.

— Да, — кивнул Юрий. — Только так. Но сделать это смогут только двое. Тот, кто носит свет. И тот, кто носит тень. Вместе.

Он посмотрел на Стешу и Артеля.

— Вы — наследники Веданы. И вы — её последняя надежда. Весь мир зависит от вас.

Стеша посмотрела на Артеля. Тот смотрел на неё в ответ. В его зелёных глазах было что-то новое — не страх, не отчаяние. Решимость. И огонь, который горел в глубине.

— Мы справимся, — сказала она, и голос её был твёрдым.
— Вместе.

Артель кивнул.

— Вместе.

А на печи, свернувшись клубком, тихо мурлыкал Бонифаций. Он знал, что это только начало. И что впереди их ждёт долгая и трудная дорога. Но он верил в них. Как верила когда-то Ведана.

Ночь за столом

Разговоры длились до утра. Свечи догорали одна за другой, Лариса приносила новые, и жёлтый свет плясал на лицах, освещая усталые, но живые глаза. В доме было тепло, и

тишина за окном казалась спокойной, как дыхание спящего ребёнка.

Артель рассказывал о себе. О детстве в замке Симар, где тени были гуще, чем в любом другом месте. О том, как мать умерла, когда он был маленьким, и как отец стал другим — холодным, жестоким, одержимым силой. О том, как он прятался от него в библиотеках, читая старые книги, пытаясь найти ответы на вопросы, которые не давали ему покоя.

— Он не всегда был таким, — говорил Артель, сжимая кружку с чаем. — Я помню, он смеялся. Играл со мной. Учил магии. Он был... добрым. Но когда мама ушла... что-то сломалось в нём. Он стал искать силу. Любую. Чужую. Он начал убивать других магов, забирать их дар. Потому что его собственный — угасал. Драконья кровь в нём была слишком слабой.

Стеша слушала и чувствовала, как боль отца Артеля отзывается в ней. Она не могла представить, чтобы её мама стала такой. Чтобы дом, где всегда пахло пирогами и теплом, превратился в ледяную клетку.

— А потом он узнал про чёрного дракона, — продолжил Артель. — Про то, что его можно пробудить. И про то, что для этого нужна кровь обеих ветвей. Светлая и тёмная. Вме-

сте.

Он посмотрел на Стешу, и в его глазах блеснула тревога.

— Он искал тебя. Искал долго. И когда нашёл... я хотел предупредить. Поэтому был там, в клубе. Но ты оказалась быстрее.

Он слабо улыбнулся, и Стеша вспомнила, как запустила в него бутылкой. Как он не увернулся.

— Извини, — сказала она, и в голосе её слышалась искренняя вина. — За бутылку. Я была зла.

— Не извиняйся, — Артель усмехнулся, и в его глазах блеснул смех. — Это был лучший удар, который я когда-либо видел. Ты спасла Бонифация. И себя.

— Я просто не люблю, когда обижают животных, — ответила Стеша.

Семейные истории

Потом рассказывали они. Лариса — о том, как встретила

Антонна, как полюбила его с первого взгляда, как он привёз её в Заозёрье и как у них родились дочери. Она говорила тихо, и в голосе её слышалась боль, но и благодарность.

— Он был хорошим человеком, — сказала она тихо. — Добрым. Чувствительным. Иногда я думаю, что его магия была его проклятием. Он чувствовал слишком много. И не мог ничего с этим сделать. Он умирал от чужой боли.

Стеша взяла маму за руку, сжимая её тёплые пальцы.

— Он нас любил, — сказала она. — Я помню. Он всегда был рядом. Даже когда болел.

Юрий рассказывал о Ведане. О том, как она жила в этом доме, как пекла хлеб и пела песни. Как прятала свою магию от соседей и как улыбалась, когда никто не видел.

— Она говорила, что мир станет лучше, — сказал дед. — Что однажды свет и тень перестанут враждовать. И что её внуки увидят это.

Он посмотрел на Стешу и Артеля.

— Вы — её внуки. Оба. И вы видите это сейчас.

Лиля на веранде

Лиля уснула первой. Она сидела на лавке, привалившись к плечу Стеши, но её глаза слипались, голова клонилась вниз. Лариса хотела отнести её в кровать, но девочка прошептала сквозь сон:

— Я хочу с Боней...

Бонифаций, который дремал на печи, открыл один глаз, вздохнул, как старый философ, и спрыгнул вниз. Он подошёл к Лиле, потёрся о её руку и тихо мяукнул.

— Идём, маленькая, — сказал он. — Я посижу с тобой.

Лариса укрыла дочь пледом, и Лиля, обняв кота, вышла на веранду. Там, в тёплой ночной тишине, она улеглась на старый диван, прижимая к себе чёрного кота. Ласет, который всё это время лежал на коленях Артеля, поднял голову, посмотрел на Лили, на Бонифация, и скользнул с плеча хозяина. Он подполз к Лиле, свернулся кольцом у её ног и тоже закрыл глаза.

— Присмотри за ними, — сказал Артель, глядя на змея.

Ласет приоткрыл один глаз, и в нём блеснула зелёная ис-

кра.

— Всегда, хозяин, — прошептал он. — Всегда буду.

А на веранде, в углу, стоял Буц. Он не спал — он стоял, переступая с ноги на ногу, и смотрел на спящую девочку, на кота и на змея. Его глаза были тёплыми, как у старого пса, который охраняет своих щенков.

— Спите, — прошептал он в ночь. — Я посторожу. Я всегда здесь.

Рассвет в Заозёрье

Когда на горизонте начало светлеть, разговоры стихли. Лариса убрала со стола, заварила свежий чай и села у окна, глядя на степь. Юрий задремал в своём кресле-качалке, тихо посапывая, и его руки, старые и мозолистые, лежали на коленях.

Стеша и Артель вышли на крыльцо. Утро было тихим и свежим. Роса блестела на траве, как тысячи бриллиантов, где-то пели первые птицы, и небо над степью окрашивалось в розово-золотые тона. Ветер был лёгким и тёплым, и он при-

носил запах цветов и свободы.

— Спасибо, — сказал Артель, не глядя на неё. — За то, что приняли. Я мог бы остаться в лесу, но... я хотел найти тебя. Узнать, кто ты. Понять, почему ты так важна для меня.

— И кто же я? — спросила Стеша, поворачиваясь к нему.

Артель повернулся к ней. В его зелёных глазах светился рассвет, и в них была та же тёплая искра, что и у неё.

— Ты — моя семья, — сказал он, и голос его дрогнул. — И я буду защищать тебя. Как защищал бы сестру. Как защищал свою мать.

Стеша улыбнулась, и сердце её наполнилось теплом.

— Тогда идём за мной, — сказала она. — Мама напечёт блинов. У неё это лучше всего получается.

И они вошли в дом, оставляя за спиной степь, наполненную древней магией, и тихое дыхание спящих на веранде — девочки, кота, змея и огненного коня, который охранял их сон.

Гнев в западном крыле

Равтель Симар метался по западной стороне своего замка. Его шаги гулко отдавались в пустых коридорах, где даже тени шарахались в стороны, прячась в углы. Он не шёл — он летел, сметая всё на своём пути. Ваза с засохшими цветами разлетелась вдребезги о стену, и осколки посыпались на пол, как звёзды. Книга, лежавшая на подоконнике, полетела следом, и её страницы разлетелись, как стая испуганных птиц.

— Где он?! — голос его гремел под высокими сводами, отражаясь от стен, и слуги, попавшиеся на пути, вжимались в стены, стараясь стать невидимыми. — Где мой сын?!

Но ответа не было. Артель исчез. Из западных покоев. Из запертой комнаты. Из-под носа у самого главы рода.

— Как он мог сбежать?! — Равтель ворвался в комнату, где ещё недавно висел на цепях его сын. — Как?!

Он осмотрел каждую стену, каждый угол, каждую трещину в полу. Но ничего не нашёл. Только холод, лёд на стенах и... белые чешуйки на железной кровати. Маленькие, блестящие, как жемчуг, как слезы.

Равтель замер. Он подошёл к кровати, протянул руку и коснулся одной чешуйки. Она была тёплой — не как лёд, а как живое существо. Как змея, которая только что уползла.

— Лисим, — прошептал он, и в его голосе смешались ярость и удивление. — Её фамилляр. Мать...

Он сжал чешуйку в кулаке, и она рассыпалась в пыль, оставляя на пальцах тонкий блестящий след.

— Она пришла за ним. Даже после смерти она пришла.

В его глазах загорелся холодный, зелёный огонь.

Гнев Равтеля не знал границ. Слуги страдали от его ярости — те, кто охранял западные покои, были наказаны жестоко. Их отправили в подземелья, где они будут ждать своей участи, слушая плач теней. Кто-то из них молил о пощаде, кто-то молчал, зная, что это бесполезно.

Но Равтель не слушал. Он уже не видел в них людей — только инструменты, которые подвели его.

— Бесполезные твари! — кричал он, и его голос отражался от стен, как эхо в пустом колодце. — Никто не может сде-

лать работу как следует! Никто!

Он ударил кулаком по мраморной колонне, и по её поверхности побежали трещины, как паутина. Тени, обитавшие в замке, шарахались от него. Даже они боялись его в этот момент.

Известие о сборе

В самый разгар его гнева в кабинет вошёл посыльный. Он был одет в чёрное, с серебряной вышивкой на груди, изображающей четырёх драконов, и держал в руках свиток, запечатанный сургучом с изображением тех же драконов.

— Господин, — сказал он, низко кланяясь. — Пришло известие от Совета. Сбор четырёх драконов состоится через три дня. Вы и ваш сын должны явиться как представители чёрного дракона.

Равтель замер. Он взял свиток, разорвал печать и пробежал глазами по тексту. Там было написано то, что он знал и так — Совет древних драконов собирается раз в столетие, чтобы обсудить состояние Изнанки и границы миров. И каждый из четырёх великих драконов должен быть представлен

своим наследником.

Чёрный дракон спал. Но его представлял род Симар. И Равтель должен был явиться с сыном.

— Через три дня, — повторил он, и в его голосе послышалась сталь. — Три дня, чтобы найти его.

Он сжёг свиток в пламени свечи, и пепел упал на пол, как чёрный снег.

— Я найду его, — сказал он. — Я найду его и приведу на Совет. Даже если мне придётся сжечь весь человеческий мир.

План Равтеля

Он подошёл к гобелену с рыцарем на чёрном драконе и коснулся вытканной чешуи. Она была холодной, как лёд, и под его пальцами она, казалось, дрогнула.

— Ты думала, что уйдёшь от меня, Артель, — прошептал он. — Думала, что спрячешься в мире людей. Но ты забыл, кто я. Я — твой отец. И я знаю, где ты.

Он повернулся к столу, где лежала карта Изнанки и человеческого мира. Там, где пересекались миры, горела маленькая зелёная точка — след магии, оставленный Ласетом, как метка.

— Он пошёл к ним, — сказал Равтель. — К той девке. К светлой крови. Он думает, что она спасёт его.

Он улыбнулся — холодно, жестоко, как хищник, который настиг добычу.

— Но я уничтожу их всех. И заберу то, что принадлежит мне по праву.

Он выпрямился, и его тень на стене стала больше, чем он сам, заполнив всю комнату.

— Приготовить портал, — приказал он слугам. — Через час мы отправляемся в человеческий мир. Мы найдём их. И мы вернём то, что потеряли.

Тени замка

Когда Равтель вышел из кабинета, тени снова зашевелились. Одна из них — безликая, опасная, та самая, что разговаривала с ним — подползла к столу, где лежала карта. Она коснулась зелёной точки, и от её прикосновения по карте пошли чёрные трещины.

— Да... иди к ним... иди... — прошептала она, и голос её был как предсмертный вздох. — А когда придёшь... мы будем ждать... Мы всегда ждём, Равтель.

Она исчезла, и в замке снова стало тихо. Но это была тишина перед бурей. А в Заозёрье, за тысячу километров от этого места, Стеша и Артель стояли на крыльце и смотрели на рассвет. Они не знали, что у них осталось всего три дня. И что тени уже идут за ними.

Глаза Амиши

В Изнанке, на вершине скальной гряды, где вечные снега светились серебром, а ветер пел свои древние песни, зелёный дракон открыл глаза.

Он спал и не спал — так, как спят только древние существа, чей сон длится столетиями, чьи сны становятся реаль-

ностью для других миров. Его тело было неподвижно, как каменная глыба, покрытая мхом и снегом. Чешуя переливалась всеми оттенками зелёного — от нежной весенней травы до глубинного цвета вековой хвои, от изумрудного блеска до тёмного, почти чёрного, как лесная чаща. Каждая чешуйка была размером с ладонь человека, и на каждой лежал отпечаток времени.

Но глаза — огромные янтарные озёра — смотрели в пространство, где время текло иначе. В них отражались миры, которые он видел, и миры, которые только предстояло увидеть. В них была мудрость, накопленная за тысячелетия, и грусть, которую не унять.

Амиша видел сны. Не свои — чужие. Те, что принадлежали его старому другу. Той, кто ушла, но оставила после себя след, который не мог стереть даже ветер, даже вечность.

Ведана.

Она просила его защищать её детей. Не тогда, когда уходила, а раньше — много лет назад, когда они сидели у входа в пещеру, и сакура роняла лепестки ей на колени. Она была молодой тогда, и в её глазах горел тот же свет, что и у Стеша.

— Ты знаешь, что я уйду, — сказала она тогда, глядя на закат. — Я не могу остаться здесь. Но я вернусь. Не в этой жизни, так в следующей.

— Люди не перерождаются, Ведана, — ответил он, и голос его был глубже, чем гул земли.

Она улыбнулась, и улыбка её была как первый луч солнца.

— Откуда тебе знать? Ты же дракон. Вы вообще ничего не знаете о смертных. Вы только наблюдаете, но не чувствуете.

Амиша смотрел сны о них. О Стеше — светловолосой девушке с голубыми глазами, которая лечила животных и не боялась говорить правду. Об Артеле — тёмном наследнике, который сбежал от отца и искал свой путь. О Бонифации — старом коте-бедствии, который ждал её возвращения дольше, чем живут люди. О Лиле — маленькой девочке с зелёными глазами, в которой спала древняя сила.

— Они близко, — прошептал дракон, и его голос звучал, как подземный гул, как дыхание самой земли. — Они почти нашли друг друга. Но время уходит. Оно уходит, как песок сквозь пальцы.

Он приподнял голову, и снег посыпался с его морды, заструился вниз, в пропасть, как водопад.

— Флорель, — позвал он. — Ты где?

Из его пасти вырвалось кольцо пламени. Но это было не то пламя, что сжигает. Оно было тёплым, живым, как дыхание весны, и там, где оно коснулось земли, из-под снега пробился мох. Зелёный, бархатистый, а на нём — маленькие белые цветы, похожие на звёзды, на слезы неба.

Флорель

Из тени, между двумя скалами, появилась она. Нежная, как утренний ветер, она шагнула вперёд, и свет фиолетовой луны озарил её золотые локоны. Они струились по плечам, как расплавленное золото, и в них запутались мелкие искры — то ли светлячки, то ли звёзды, упавшие с неба. Её глаза были цвета аквамарина — прозрачные, глубокие, с лёгкой зеленью на дне, как у горного озера. В них отражалась древняя мудрость, но не та, что давит тяжестью, а лёгкая, как у птицы, которая видит всё, но не привязана ни к чему.

На ней было простое платье цвета утреннего неба, пере-

хваченное серебряным поясом, и босые ноги ступали по снегу, не оставляя следов. Она была прекрасна, как сама природа, и от неё исходил свет, который не слепил, а согревал.

— Господин, — сказала она, склоняя голову в лёгком поклоне. Её голос звучал как журчание ручья — мягко, переливчато, с лёгкой хрипотцой, которая делала его живым. — Я здесь. Я слушаю вас.

Флорель Альфе было четыреста пятьдесят лет. Для эльфийки это был расцвет — она была вечно молода, вечно красива, но в её глазах уже светилась та мудрость, которую не купить и не украсть. Она служила Амише вестником его воли, и никто не знал границ её силы.

— Флорель, — сказал дракон, и его голос стал мягче, как будто он разговаривал с ребёнком. — Ты знаешь, кто они. Ты видела их во снах.

— Да, господин, — ответила она. — Светлая и тёмная. Две ветви одной крови. Они встретились.

— Иди к ним, — Амиша поднял лапу, и его коготь, чёрный и острый, как обсидиан, разрезал пространство. Воздух дрогнул, пошёл рябью, как вода, и перед Флорель открылся портал. Он мерцал зелёным светом, и в нём отражалась не

Изнанка, а тёплый утренний свет человеческого мира. Пахло травой, мёдом и свободой.

— Приведи их сюда, — сказал дракон. — Времени мало. Равтель уже идёт к ним. А сбор четырёх драконов — через три дня. Ты должна успеть.

Флорель посмотрела в портал. Она видела дом. Деревянный, с кружевной верандой, на которой спала девочка в обнимку с чёрным котом. Рядом с ней свернулся змей, а в углу стоял огнегривый конь и смотрел в их сторону, как будто чувствовал её взгляд.

— Они уже чувствуют меня, — сказала Флорель, и в голосе её послышалось удивление. — Конь. Он старше, чем кажется.

— Буц — хранитель границы, — сказал Амиша. — Он знает, когда приходят чужие. Но ты не чужая. Иди.

Переход

Флорель шагнула в портал. Она ступила на мягкую траву Заозёрья, и фиолетовая луна Изнанки осталась позади.

Здесь было утро — свежее, розовое, пахнущее росой и пирогами. Она оглянулась. Портал закрылся, оставив только лёгкое мерцание в воздухе, похожее на утренний туман.

Конь поднял голову. Буц смотрел на неё, и в его глазах не было враждебности. Только настороженность и узнавание. Он знал, кто она.

— Ты от зелёного, — сказал он тихо, и в голосе его слышалось уважение. — Я чувствую. Твой свет пахнет мхом и снегом.

— Да, — ответила Флорель, делая шаг вперёд. — Я пришла помочь. И предупредить.

На крыльце зашевелилась Лиля. Девочка открыла глаза, увидела незнакомку и прижала к себе Бонифация, ища защиты.

— Боня, — прошептала она. — Кто это?

Кот поднял голову, и его янтарные глаза встретились с аквамариновыми глазами эльфийки. В его взгляде мелькнула искра узнавания, как будто он видел её раньше, в другом времени, в другом месте.

— Флорель, — сказал он, и голос его был ровным. — Давно не виделись. Ты всё такая же.

Флорель улыбнулась, и улыбка её была как первый луч солнца.

— Здравствуй, старый друг, — сказала она. — Ты всё такой же. И такой же упрямый.

Она перевела взгляд на дверь, где уже появились Стеша и Артель, заспанные, но настороженные.

— Я здесь, чтобы сказать вам, — сказала она, и голос её стал серьёзным. — Равтель идёт за вами. И у вас есть только три дня.

Предупреждение

Стеша вышла на крыльцо. Она видела перед собой странную женщину — красивую, нечеловечески красивую, с золотыми волосами и глазами, в которых отражалась сама вечность. От неё исходил свет, который успокаивал и одновременно настораживал.

— Кто вы? — спросила она, и в голосе её была настороженность.

— Меня зовут Флорель, — ответила эльфийка, склоняя голову. — Я слуга зелёного дракона. Вашего друга.

Она посмотрела на Бонифация, потом на Артеля.

— Амиша видит всё, — сказала она. — Он чувствует, что Равтель уже идёт. И что через три дня состоится сбор четырёх драконов. Если вы не успеете пробудить чёрного дракона раньше, Равтель сделает это сам. И тогда все миры окажутся в опасности.

Стеша сжала кулаки. Сердце её билось быстрее.

— Что мы должны делать?

Флорель шагнула к ней. Её глаза, прозрачные и глубокие, встретились с глазами Стеши.

— Вы должны прийти к Амише. Вместе. Вы оба. Только так вы сможете понять, как пробудить дракона правильно. Без жертв. Без крови. Без того, что разрушит вас.

Она протянула руку. Её ладонь была тёплой и мягкой.

— Я проведу вас. Если вы готовы.

Стеша посмотрела на Артея. Тот кивнул.

— Мы готовы, — сказала она.

Флорель улыбнулась.

— Тогда идём, — сказала она. — Время не ждёт.

А на горизонте, за степью, уже собирались тучи. И в них сверкали зелёные молнии.

Стешины рюкзаки

Сборы были быстрыми. Стеша не привыкла долго собираться — в её характере было что-то от военного: решительность, собранность, умение отделять важное от ненужного. Она металась по комнате, доставая вещи из шкафа и комода, складывая их в два больших рюкзака. Один — для себя. Второй — для Артея.

В рюкзак для него она положила вещи отца. Старые фут-

болки, которые хранились на дне комода и пахли деревом и временем, как будто в них ещё жила память о нём. Пара тёплых носков, которые мама связала ещё до того, как Стеша родилась. Штаны, удобные и ношенные, с заплаткой на колене — отец любил их за мягкость и свободу движений.

— Это тебе, — сказала она, протягивая рюкзак Артелю.
— Не знаю, подойдёт ли по размеру, но лучше, чем то, в чём ты был.

Артель взял рюкзак с благодарностью. Его руки дрожали, и он сжал лямки так, что побелели костяшки.

— Спасибо, — сказал он тихо. — Я... я не привык, чтобы кто-то заботился обо мне.

— Привыкай, — ответила Стеша с лёгкой улыбкой. — Теперь ты часть семьи. Даже если странной.

Она сунула в его рюкзак ещё и небольшой свёрток с мылом, зубной щёткой и полотенцем — всем тем, что могло пригодиться в дороге. В свой рюкзак она сложила женские мелочи: расчёску, заколки, сменное бельё, лёгкое платье на случай, если придётся выглядеть прилично, и тёплую кофту — в Изнанке, как она помнила, вечерами было прохладно.

В самом низу, под вещами, она спрятала фотографию отца. Маленькую, потёртую, ту, что всегда носила с собой. Она коснулась её пальцами, и на мгновение ей показалось, что она чувствует его тепло.

Разговор с мамой

— Мама, — сказала Стеша, выходя на кухню, где Лариса уже заваривала чай и раскладывала в дорогу пирожки, заворачивая их в чистую ткань. — Ты позвонишь в учебную часть? Скажи, что я заболела.

Лариса подняла на неё глаза. Она была спокойна — по крайней мере, внешне. Но Стеша видела, как дрожат её пальцы, когда она завязывала узелок с едой.

— Да, — сказала Лариса твёрдо, и голос её не дрогнул. — Так и сделаю. А у тёти Кати возьму справку, что у тебя корь.

Стеша улыбнулась. Тётя Катя работала медсестрой в местной поликлинике и была старой подругой Ларисы. Справка о кори, ветрянке или ангине всегда была у неё в запасе — для тех, кому нужно было срочно уехать или отдохнуть от учёбы.

— Спасибо, мама, — сказала Стеша, и в голосе её послышалась благодарность.

Она подошла к матери и обняла её. Лариса была тёплой, пахла мукой и ванилью, и Стеша почувствовала, как сердце её сжимается.

— Я вернусь, — сказала она. — Обещаю.

— Знаю, — ответила Лариса, и в её голосе дрогнула слеза. Она не плакала — она никогда не плакала при дочерях. Но Стеша чувствовала, как мамины руки чуть крепче сжали её плечи.

— Будь осторожна, Степанида, — прошептала Лариса. — Ты мне нужна. И Лиля. Я не хочу потерять ещё одного человека.

— Не потеряешь, — твёрдо сказала Стеша. — Я не папа. Я сильнее.

Она отстранилась и посмотрела матери в глаза.

— И я вернусь. С Артемом. С Боней. Со всеми. Ты увидишь.

Лариса кивнула, смахивая невидимую слезу, и вернулась к своим пирожкам.

Прощание у крыльца

Через час все собрались у крыльца. Лиля стояла с Бонифацием на руках и смотрела на сестру большими зелёными глазами, в которых отражалась тревога. Она не плакала — она уже поняла, что слёзы не помогут. Но её руки чуть крепче сжимали чёрного кота.

— Ты вернёшься? — спросила она, и голос её дрожал.

— Вернусь, — ответила Стеша. — И привезу тебе что-нибудь из... ну, из того места.

Она не знала, что можно привезти из Изнанки. Но пообещала.

Юрий стоял с палкой-посохом, которую строгал вчера. Он подошёл к Артелю и положил руку ему на плечо. Его глаза, зелёные и мудрые, смотрели на него с той же теплотой, с какой смотрели на Стешу.

— Ты сильный, — сказал он. — И я знаю, что ты не предашь. Доверяй ей, как доверяешь себе. И всё будет хорошо.

— Спасибо, дедушка, — ответил Артель, и голос его дрогнул. — Я буду защищать её.

— Только не перестарайся, — усмехнулся Юрий. — Она и сама может за себя постоять. Бутылкой.

Стеша фыркнула, и на мгновение напряжение рассеялось.

— Ну всё, — сказала она. — Пора.

Флорель уже ждала их у калитки. Она стояла неподвижно, как статуя, но в её аквамариновых глазах светилась лёгкая улыбка. Рядом с ней стоял Буц, который кивнул Стеше.

— Я провожу вас до границы, — сказал он. — Дальше — только пешком.

— Ты остаёшься? — спросила Стеша.

— Я всегда остаюсь, — ответил конь. — Я хранитель этих мест. Но если понадобится — я приду. Ты знаешь.

Стеша подошла к Буцу, обняла его за шею, уткнувшись

носом в тёплую гриву. Он пах лошадыю, солнцем и чем-то древним — как сама степь.

— Спасибо тебе, — сказала она.

— Иди, маленькая, — ответил он. — Я постерегу дом.

Последний взгляд

Они пошли по тропе, ведущей в лес. Стеша обернулась на прощание. На крыльце стояли мама с Лилей, рядом с ними — Юрий. Лариса махала рукой, а Лиля держала на руках Бонифация, который тоже смотрел в их сторону. Его янтарные глаза блестели в свете утреннего солнца.

— Я вернусь! — крикнула Стеша. — Я обещаю!

— Жди! — крикнула Лиля в ответ, и её голос был звонким и твёрдым.

— Мы будем ждать, — сказала Лариса тихо, но Стеша услышала.

Она перевела взгляд на Артея, который стоял рядом с

ней, и улыбнулась.

— Идём, — сказала она. — Нас ждут.

И они шагнули в лес, оставляя за спиной дом, который стал для Артеля убежищем, а для неё — напоминанием о том, что есть за что бороться.

Путь в Изнанку

Лес встретил их мягкой прохладой и запахом влажной земли. Буц шёл позади, провожая их до границы, а Флорель вела вперёд, ступая легко, почти не касаясь земли. Её золотые волосы струились за ней, как свет, и она казалась частью самого леса.

— Мы пойдём через портал, — сказала она. — Но сначала — немного через лес. Там, где магия слабее, чтобы переход был мягче.

— А что нас ждёт там? — спросила Стеша. — В Изнанке?

Флорель обернулась. В её глазах блеснула искра.

— Там ждёт Амиша, — сказала она. — И ваш путь. А что будет дальше — зависит только от вас.

Она улыбнулась.

— И, возможно, от дракона, который спит уже тысячу лет.

Стеша сжала лямки рюкзака, посмотрела на Артеля, который шёл рядом, и почувствовала, как внутри разливается спокойствие. Она была не одна. И это придавало силы.

Чёрный портал

Лес начал меняться незаметно. Сначала Стеша подумала, что это просто игра света — тени стали гуще, воздух тяжелее, а запах влажной земли сменился чем-то гнилостным, кислым, как будто земля гнила изнутри. Но когда она посмотрела под ноги, сердце пропустило удар.

Трава под ними была мёртвой. Бурая, сухая, она рассыпалась в прах от одного прикосновения, как пепел. Цветы, только что распустившиеся, склонили головы, лепестки их почернели и осыпались, как сгоревшая бумага. Деревья, которые ещё минуту назад стояли зелёными и могучими, по-

крылись серой корой, ветви их обломились, как сломанные кости, и на них не было ни одного листа.

Земля гнила. Она дышала смертью.

— Что это? — прошептала Стеша, останавливаясь.

Флорель замерла первой. Её аквамариновые глаза расширились, а лицо побелело, как полотно. Она повернулась к лесу, откуда они пришли, и её руки сжались в кулаки.

— Тени, — сказала она, и голос её дрогнул. — Тени Равтеля. Они нашли нас.

Артель шагнул вперёд, закрывая Стешу собой. Его лицо стало жёстким, и в глазах загорелся холодный огонь.

— Это отец, — сказал он. — Он идёт за мной.

Из глубины леса, между мёртвыми деревьями, начали выступать фигуры. Они были чёрными — не как тени, а как сгустки тьмы, которые двигались сами по себе, не подчиняясь законам природы. У них не было лиц, только очертания тел — длинные руки, согнутые спины, головы, опущенные в вечной мольбе. Они скользили по земле, оставляя за собой гнилую полосу, и их прикосновение убивало всё живое.

Портал открылся за их спинами — чёрный, пульсирующий, как живая рана, как глотка в тело мира. Из него доносился голос. Глухой, властный, знакомый.

— Вернись, Артель, — сказал Равтель, и его голос звучал как удар молота. — Вернись, пока я не уничтожил всех, кто встал у меня на пути.

Буц вступает в бой

Буц взревел. Это был не конский рёв — что-то гораздо более древнее, более страшное, как будто в нём проснулась сама земля. Земля под его копытами задымилась, и в следующее мгновение он превратился в огнегривого коня.

Грива его полыхала алым и золотым, из ноздрей вырывались струйки дыма, а глаза горели, как два солнца, как два раскалённых угля. Он был великолепен в своей ярости, и от него исходил жар, который заставлял воздух дрожать.

— Моя территория, — прорычал он, и голос его был низким, как подземный гул. — И мои люди. Вы не пройдёте.

Он бросился вперёд. Копыта его ударили по земле, и она взорвалась огнём, как будто под ней проснулся вулкан. Первая тень, которая попыталась схватить его, исчезла, не успев закричать, сожжённая дотла. Вторая, третья — они падали одна за другой, сжигаемые пламенем, которое Буц выпускал из своей груди, как дыхание.

Но теней было много. Они лезли из портала, бесконечные, безликие, готовые уничтожить всё на своём пути. Они хватали Буца за ноги, за гриву, пытались повалить его, но конь кружился, бил копытами, сжигал их своим огнём, и его ярость была как ураган.

Флорель не стояла в стороне. Она подняла руки, и из её пальцев вырвался поток света — чистого, серебряного, как утренняя роса, как первый снег. Он ударил по теням, рассеивая их, и они исчезали, оставляя только чёрные кляксы на земле, которые медленно впитывались в неё.

— Бегите! — крикнула она. — Бегите к portalу Амиши! Я задержу их!

— Нет! — крикнула Стеша. — Мы не бросим вас!

— Бегите, Стеша! — Буц обернулся к ней, и в его глазах горела древняя сила. — Я постерегу её! Идите! Это приказ!

Артель схватил Стешу за руку. Его пальцы были сильными и тёплыми.

— Идём, — сказал он. — Они правы. Если нас схватят — всё будет зря.

Стеша заколебалась лишь на мгновение. Потом она сжала зубы и побежала следом за Артемом, туда, где в конце леса мерцал зелёный свет портала.

Последняя тень

Буц и Флорель сражались. Огнегривый конь кружился в водовороте теней, сжигая их одного за другим, но их становилось всё больше, они лезли из портала, как из бездонной чёрной дыры. Флорель истощила свою силу, пытаясь защитить Буца, и теперь её руки дрожали, а свет, который исходил от неё, стал тускнеть.

— Они не остановятся, — сказала она, и голос её был усталым.

— Я знаю, — ответил конь. — Но я не дам им пройти.

Он сделал последний рывок — пламя вырвалось из его груди, охватывая всё вокруг, как взрыв сверхновой. Тени закричали — противный, нечеловеческий звук — и начали таять, превращаясь в ничто. Портал заколебался, закрываясь, и его края начали сворачиваться, как заживающая рана.

Одна тень сбежала. Она скользнула в щель между мирами, унося с собой весть.

— Вмешался странный конь, — прошептала она, исчезая в темноте. — И слуга зелёного дракона.

Портал захлопнулся. Буц тяжело дышал, его пламя угасало, превращая его снова в обычного коня. Он шагнул к Флорель и коснулся её плеча носом.

— Ты жива?

— Жива, — ответила она устало. — Но они знают. Теперь Равтель узнает, кто помог им.

— Пусть знает, — сказал Буц. — Мы будем ждать его.

В замке Симар

В замке Симар тьма сгустилась. Равтель стоял у окна, глядя на фиолетовую луну, когда перед ним появилась тень. Она была изранена, почти прозрачна, но она выполнила свою миссию.

— Господин, — прошептала она. — Они ушли. Вмешался огнегривый конь и слуга зелёного дракона. Наши тени погибли.

Равтель медленно повернулся. В его глазах горел холодный зелёный свет, как у хищника, который упустил добычу, но готов броситься снова.

— Зелёный дракон, — повторил он. — Амиша. Он вмешался.

Он сжал кулак, и в комнате задрожали стёкла, зазвенела посуда, и тени заматались в ужасе.

— Значит, он выбрал сторону. Хорошо. Тогда я покажу ему, что значит встать на пути рода Симар.

Он повернулся к карте, где горела зелёная точка.

— Сбор через два дня, — сказал он. — Я приду на Совет. И я приведу с собой не сына. Я приведу силу, которая сокрушит всех.

Он улыбнулся — холодно, жестоко, как человек, который потерял всё, но готов сжечь мир, чтобы получить его обратно.

— Готовьте портал в Изнанку. Я иду к драконам.

У портала Амиши

А в это время Стеша и Артель выбежали из леса. Перед ними мерцал зелёный портал, и из него доносился запах мха, снега и свободы. Они не оглядывались — они знали, что позади них осталась битва, которую они не могли выиграть.

— Мы сделали это, — выдохнула Стеша, падая на колени. Её сердце колотилось, и она тяжело дышала.

— Нет, — сказал Артель, глядя назад. — Мы только начали.

Он помог ей встать, и они шагнули в портал. Тёплый свет окутал их, и через мгновение они оказались на вершине скальной гряды, где вечные снега светились серебром, а в центре, свернувшись кольцом, спал и не спал зелёный дракон.

Амиша открыл глаза. Его янтарные озёра смотрели на них с мудростью тысячелетий.

— Вы пришли, — сказал он, и в его голосе слышалась древняя мудрость. — Я ждал вас.

Стеша подняла голову и посмотрела в его янтарные глаза. В них отражался свет, который не угасал никогда.

— Мы здесь, — сказала она. — И мы готовы.

Покой и мир

Лес встретил их покоем и миром. Здесь не было гнилой земли и мёртвых деревьев. Наоборот — каждый лист дышал жизнью, каждая травинка тянулась к свету, а воздух был таким чистым и свежим, что хотелось дышать им глубоко, пол-

ной грудью, как будто впервые.

Стеша остановилась и закрыла глаза. Она чувствовала, как магия леса проникает в неё — мягкая, тёплая, как материнская рука. Она успокаивала, убирала усталость, затягивала мелкие ранки, которые она даже не замечала. Её дыхание стало ровным, и сердце билось спокойно.

— Здесь хорошо, — прошептала она.

Артель стоял рядом, и его плечи тоже расслабились. Впервые за долгое время он не ждал удара. Не прислушивался к шагам отца. Просто — дышал. Его лицо разгладилось, и он выглядел почти счастливым.

Ласет, высунув голову из-за ворота рубашки, довольно зашипел.

— Хорошо, хозяин, — сказал он. — Очень хорошо. Так хорошо, как не было никогда.

Бонифаций, который всё это время шёл молча, поднял голову и посмотрел вперёд. Там, между деревьями, показалась небольшая поляна, а на ней — дом.

Домик Веданы

Это был маленький дом. Деревянный, с резными наличниками, на которых были вырезаны странные символы — то ли цветы, то ли языки пламени. Крыша была зелёной, покрытой мхом и цветами, которые цвели даже в тени. Он стоял на поляне, окружённый высокими дубами, и казался частью самого леса, как гриб, который вырос сам собой.

Из трубы вился дымок — тонкий, почти незаметный, и пахло в нём чем-то тёплым и сладким, как пироги.

Стеша подошла ближе и замерла. Она узнала этот дом. Он был такой же, как на старых фотографиях, что хранились у Юрия. Тот самый, где жила Ведана. Тот самый, из которого она уходила в человеческий мир.

— Здесь жила твоя прабабка, — сказал Бонифаций, подходя к ней. — Я помню этот дом. Он был её убежищем. И теперь будет вашим.

Он посмотрел на дверь, и в его янтарных глазах блеснула искра.

— Я обновил защиту дома и леса, — раздался голос Амиши. Дракон не был рядом — он был далеко, на своей скальной гряде. Но его голос звучал отовсюду: из ветра, из шума листьев, из самого воздуха.

— Никто не войдёт сюда без моего ведома. Вы в безопасности. Отдыхайте и учитесь. Скоро сбор четырёх драконов.

Стеша обернулась, пытаясь понять, откуда идёт голос, но лес молчал.

— Спасибо, Амиша, — сказала она.

— Пока, — ответил дракон. — Учитесь. Это важно.

Ларе и Баре

Из-за дома вышли двое. Сначала Стеша подумала, что это дети — такие маленькие, такие лёгкие, почти невесомые. Но когда они приблизились, она поняла: это эльфы.

Они были невысокими, стройными и похожими друг на друга, как две капли воды. Светлые волосы струились по плечам, глаза — ярко-зелёные, как листья после дождя — смот-

рели на гостей с любопытством и мягкой улыбкой. На них были простые зелёные одежды, перехваченные ремнями, и на их лицах светилась та же древняя мудрость, что и у Флорель.

Мальчик и девочка. Близнецы. Их можно было спутать, если бы не чуть разная форма ушей и то, как они улыбались.

На их плечах сидели птицы. Яркие, пёстрые, похожие на смесь павлина и рябчика. Их перья переливались синим, зелёным и золотым, и они время от времени издавали мелодичные звуки, похожие на смех, на звон колокольчиков.

Эльфы подошли ближе и поклонились — легко, почти невесомо.

— Приветствую вас, — сказал мальчик, и голос его был как журчание ручья. — Меня зовут Ларе.

— А меня Баре, — сказала девочка, и её голос звучал как пение птицы.

— Мы будем вас учить, — сказали они одновременно. — Этикету и истории этого мира. Всему, что нужно знать наследникам чёрного дракона.

Стеша и Артель переглянулись.

— Учить? — переспросила Стеша. — Но мы не знаем, сколько здесь пробудем.

— Столько, сколько понадобится, — ответила Баре. — Время в лесу течёт иначе. Здесь день может длиться неделю.

— А неделя — день, — добавил Ларе. — Так что не волнуйтесь. Вы успеете всё, что нужно.

Птицы на их плечах встрепенулись и издали звонкие трели.

— Это наши спутники, — сказала Баре, поглаживая свою птицу по голове. — Они будут помогать нам в обучении. И, возможно, развлекать вас.

Стеша улыбнулась.

— Что ж, — сказала она. — Я готова учиться.

Артель кивнул.

— Я тоже, — сказал он.

— Отлично, — Ларе хлопнул в ладоши, и птицы взлетели в воздух, рассыпая вокруг себя разноцветные искры. — Тогда начнём завтра. С рассветом. А сейчас — идите в дом. Там вас ждёт ужин и отдых.

Он указал на дверь домика Веданы.

— Там всё готово. Добро пожаловать домой.

Внутри

Стеша шагнула за порог. Внутри домик был маленьким, но уютным. Пахло сушёными травами, деревом и старыми книгами. На столе стояла керосиновая лампа, рядом — тарелка с хлебом и кувшин с молоком. На стенах висели вышитые рушники, а на полке стояла старая икона. В углу — кровать с горой подушек и мягкое кресло-качалка.

Всё здесь было живым, тёплым, настоящим.

Стеша провела рукой по стене. Древесина была тёплой, как живая.

— Ведана, — прошептала она. — Я здесь. Я пришла.

Бонифаций зашёл следом и сразу запрыгнул на печь, где уже была готова лежанка.

— Хорошо, — сказал он довольно. — Я скучал по этому дому. Он был особенным.

Артель остановился на пороге. Его глаза, зелёные и глубокие, обводили комнату.

— Я никогда не был в таких домах, — сказал он тихо. — В замке было холодно. Даже когда горел камин.

— Здесь тебе будет тепло, — ответила Стеша. — Обещаю.

Она взяла его за руку и потянула внутрь.

— Идём, — сказала она. — Завтра будет трудный день. Надо отдохнуть.

Артель шагнул в дом. Дверь закрылась за ними, и лес снова стал тихим и спокойным.

Пустыня Саки. Огненный дракон Граджа

В самом сердце пустыни Саки, там, где песок раскалялся до багрового свечения, а воздух дрожал от зноя, как над костром, стоял город. Он был похож на древнюю Персию или сказочную страну Востока — с высокими минаретами, золотыми куполами, резными арками и фонтанами, в которых вместо воды били струи жидкого огня, переливающегося алым и золотым.

Улицы были вымощены цветным мрамором, который искрился на солнце, а дома украшены мозаикой, переливающейся всеми оттенками красного, золотого и оранжевого. Город сиял огнями и роскошью, как огромный драгоценный камень посреди пустыни.

Здесь жили тёмные эльфы в шёлковых одеждах, гоблины с золотыми кольцами в носах, орки в тяжёлых доспехах и тролли, которые тащили на спинах тюки с товарами. Торговля кипела, смех разносился по улицам, и все спешили угодить своему владыке.

А на самом высоком минарете, на троне из обсидиана, украшенном рубинами, которые горели как глаза, сидел он.

Он был огромен — даже в человеческом облике он казался горой. Плечи шириной с ворота, руки в золотых браслетах, которые звенели при каждом движении. Его кожа была цвета раскалённой меди, а волосы — как языки пламени, которые не гасли, а лишь слегка потрескивали, рассыпая искры.

Граджа смеялся. Его смех был похож на раскаты грома — низкий, густой, сотрясающий стены города. Он откинулся на троне, хлопнул себя по колену и взревел так, что ближайшие гоблины попадали с ног.

— Ха-ха-ха! — гремел он. — Что задумал этот салат Амиш? Ха-ха-ха!

Он вытер слезу, выступившую от смеха, и посмотрел на своих советников — тёмных эльфов в богатых одеждах, которые почтительно склонили головы.

— Он прислал к ним эльфийку! Флорель! Ха-ха-ха! Этот старый зелёный пень решил, что сможет защитить их от Равтеля! Смешно! Очень смешно!

Он зевнул — широко, по-драконьи, и из его пасти вырвался язык пламени, который опалил потолок.

— Ладно, — сказал он, махнув рукой. — Встреча пройдёт у нас. Готовьтесь к приёму гостей. Пусть всё будет по высшему разряду. Я хочу посмотреть в глаза этому старому Амишу и его выкормышам.

Он усмехнулся, и в его глазах блеснул опасный огонь.

— И Равтелю. Этому выскочке. Посмотрим, что он скажет, когда его сын встанет на сторону зелёного.

Ледяная гряда. Дракон Лилье

Там, где вечные снега встречались с вечной тьмой, на самом краю Изнанки, лежала Ледяная гряда. Город на ней был прекрасен в своей суровой красоте. Он напоминал старую Британию — с чёткими линиями, строгими фасадами, высокими шпилями и мостовыми, вымощенными голубоватым камнем, который светился в темноте.

Фонари горели холодным белым светом, а из труб шёл густой пар — здесь процветала промышленность. Гномы ковали металл, тролли таскали тяжёлые балки, а кентавры торговали и мастерили, их копыта звонко цокали по каменным

МОСТОВЫМ.

В центре города, в самом высоком здании, похожем на гигантский ледяной кристалл, сидела она.

Она была прекрасна — той холодной, неприступной красотой, от которой захватывало дух. Её кожа была белой, как снег, с лёгким голубоватым оттенком, а волосы струились по плечам, как застывший водопад. На ней было простое, но изящное платье из белого шёлка, а на голове — корона из ледяных кристаллов, которые никогда не таяли.

Она сидела на троне из цельного куска льда, который сиял тысячей снежинок. Рядом с ней, в отдельном гнезде, выложенном мхом и мехом, лежали четыре яйца. Они были большими, с перламутровой скорлупой, и от них исходило мягкое свечение, как от живых звёзд.

Лилье провела пальцами по одному из них — нежно, почти благоговейно. Потом она подняла глаза и посмотрела на советников, которые стояли перед ней с почтительными лицами.

— Нельзя вмешиваться, Амиш, — сказала она, и голос её был как звон колокольчика. — Тупая ты редька.

Она вздохнула и откинулась на спинку трона.

— Что он задумал? Зачем впутывать детей в эту игру? Равтель опасен, но он слаб без своего сына. А теперь у него есть повод для ярости.

Она покачала головой, и капли льда посыпались с её волос.

— И зачем он привёл их в свой лес? Они слишком молоды. Слишком неопытны. Они не готовы к Совету.

Она замолчала, и в её глазах мелькнула тень грусти.

— Но раз уж так вышло... готовьте зал для приёма. Я хочу видеть всех. И я хочу говорить с ними. С этими детьми Веданы.

Два владыки

В пустыне Саки Граджа потирал руки. Его глаза горели от любопытства.

— Интересно, кто из них сильнее? — размышлял он, гля-

дя на карту Изнанки. — Мальчик из тени или девочка из света? Или они равны?

Он хохотнул, и от его смеха задрожали стены.

— Я ставлю на девочку! В ней есть огонь! Я чую!

Он ударил кулаком по столу, и от этого удара в пустыне поднялась песчаная буря, которая пронеслась над городом, оставляя за собой следы.

— Готовьтесь к празднику! — крикнул он. — Встреча будет знатной!

А на Ледяной гряде Лилъе сидела у окна и смотрела на заснеженные пики. Она думала о Сальери. О своём роде, который когда-то дал миру женщин с фамильярами — слабыми, но верными.

Одна из них, змейка Лисим, спасла сына Равтеля. И теперь он шёл по пути, который выбрала его мать.

— Свет и тень, — прошептала Лилъе. — Ты была права, Ведана. Ты всегда была права. Я просто не хотела этого признавать.

Она закрыла глаза, и ледяной город затих в предвкушении. Сбор драконов приближался.

Фиолетовое небо

Она спала. Где-то в самом центре Изнанки, там, где время остановилось, а пространство свернулось в спираль, чёрный дракон лежал в вечной дремоте. Её тело было огромным — чешуя впитывала свет, делая его чёрным, как бездна, как пустота между звёздами. Крылья были сложены вдоль спины, дыхание было ровным и тихим, как шепот ветра.

Но она не была просто драконом. Во сне она была девушкой. Молодой, прекрасной, с длинными чёрными волосами, которые струились по плечам, как шёлк, и глазами цвета глубокого изумруда, в которых отражалась древняя грусть. На ней было простое белое платье, и она шла по золотому полю, где трава переливалась на солнце, как море.

Небо над ней было фиолетовым, как в Изнанке. Но здесь было тепло. Здесь был мир.

Возлюбленный

Он ждал её у старого дуба. Высокий, стройный, с тёмными волосами и зелёными глазами — такими же, как у неё. На нём была простая рубаха, распахнутая на груди, и он улыбался, глядя, как она идёт к нему через поле.

— Ты опоздала, — сказал он, протягивая руку.

— Я всегда опаздываю, — ответила она, вкладывая свою ладонь в его. — Ты знаешь.

Он засмеялся — тепло, легко, как смеются только те, кто не знает горя.

— Знаю, — сказал он. — И всё равно жду.

Они стояли под дубом, и ветер шевелил его листву, создавая причудливые тени на их лицах. Где-то вдалеке пели птицы, и пахло мёдом и цветами.

— Здесь хорошо, — сказала она. — Я хочу остаться здесь навсегда.

— Ты останешься, — ответил он, притягивая её к себе. — Я никуда не отпущу тебя.

Она закрыла глаза и прижалась к его груди, чувствуя, как бьётся его сердце.

— Я люблю тебя, — прошептала она.

— Я тоже, — ответил он. — Всегда.

Тень на горизонте.

Но даже в этом сне, в этом мире покоя, была тень. Она появилась на горизонте — чёрная, тягучая, как дым. Она ползла по полю, убивая цветы, превращая траву в пепел. И с ней шли голоса. Гнев. Жажда власти. Предательство.

Девушка открыла глаза и посмотрела в ту сторону.

— Они идут, — сказала она тихо. — Они всегда идут.

— Не смотри, — ответил возлюбленный, закрывая ей лицо руками. — Не смотри на них. Здесь мы в безопасности. Здесь они не достанут нас.

— Но они придут, — сказала она. — Они хотят мою силу. Они хотят мою кровь. Они хотят меня.

— Я не дам им, — сказал он твёрдо. — Я защищу тебя. Всегда.

Она посмотрела на него, и в её глазах блеснула грусть.

— Ты не сможешь, — сказала она. — Ты ушёл. Ты оставил меня. И я сплю уже тысячу лет.

Он не ответил. Он только сжал её руки крепче, но его пальцы начали таять, как туман на утреннем солнце.

— Нет, — прошептала она. — Нет, не уходи. Не оставляй меня одну.

Но он уже исчезал. Поле тускнело, небо становилось серым, и только её голос звучал в пустоте.

— Я хочу проснуться, — сказала она. — Я так хочу проснуться.

Дыхание веков.

Где-то в центре Изнанки чёрный дракон вздохнул. Её дыхание прошло сквозь камни, сквозь землю, сквозь само время. Оно коснулось леса Амиши, где спали Стеша и Артель. Оно коснулось пустыни Саки, где смеялся Граджа. Оно коснулось ледяной гряды, где Лилье гладила свои яйца.

И каждый из них почувствовал это.

— Она просыпается, — прошептал Амиша, открывая глаза.

— Она зовёт, — сказал Граджа, перестав смеяться.

— Она ждёт, — сказала Лилье, сжимая руки.

А Стеша во сне увидела золотое поле и девушку с чёрными волосами, которая стояла под старым дубом и смотрела на неё.

— Ты пришла, — сказала девушка. — Я ждала тебя. Все эти годы. Я ждала.

— Кто ты? — спросила Стеша.

— Я — Симар, — ответила девушка. — И я хочу проснуться. Помоги мне.

Она протянула руку, и Стеша протянула свою. Их пальцы встретились.

Пробуждение.

Стеша проснулась в холодном поту. Она сидела на кровати в домике Веданы, тяжело дыша. За окном светила фиолетовая луна, и в комнате было тихо.

Бонифаций спал на печи, Артель — на соседней кровати. Но она чувствовала, что что-то изменилось.

— Она говорила со мной, — прошептала Стеша. — Чёрный дракон. Она говорила со мной.

Она посмотрела на свои руки — на них не было следов магии, но внутри, глубоко в груди, пульсировало что-то тёплое. Живое.

— Я помогу тебе, — сказала она в темноту. — Я обещаю.

И где-то далеко, в самом центре Изнанки, чёрный дракон улыбнулась во сне. Она слышала. Она ждала.

Глава

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.